

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

Впервые
на русском!

Я — БЕЗДНА

Новый роман Донатто Карризи
получился очень мощным.

Corriere della Sera

18+

АЗБУКА

Звезды мирового детектива

Донатто Карризи

Я – бездна

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Карризи Д.

Я – бездна / Д. Карризи — «Азбука-Аттикус», 2020 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-20917-6

Поутру Чистильщик трудится на берегу озера Комо и увлеченно разглядывает мусор, потому что мусор всегда рассказывает о людях чистую правду. «Я невидимка», – думает Чистильщик и еще не знает, что ошибается. Он вообще многого не знает. Чистильщик не знает, что сейчас поднимет голову, посмотрит на озеро – и его невидимая жизнь, в которой полно горьких воспоминаний и еще больше кровавых тайн, даст течь, готовая пойти ко дну. И что одна истерзанная тринадцатилетняя девочка с фиолетовой челкой вот-вот посмотрит на него – и взаправду увидит. И что Охотница, надломленная женщина, которая годами спасает жертв домашнего насилия, уже взяла след и ищет его. Чистильщику пока еще неизвестно, что они трое, люди без имен, запертые каждый в своем личном ужасе, извилистыми путями идут к общей взрывной развязке, а их судьбу решит озеро Комо, которое скрывает и выдает чужие секреты, когда и как ему вздумается. Новый триллер «Я – бездна» Донато Карризи – роман о том, что бездна поджидает всех, и не все спасутся. Впервые на русском!

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-20917-6

© Карризи Д., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

7 июня	7
1	12
2	14
3	18
4	23
5	25
19 сентября	28
6	30
7	32
8	34
9	36
22 октября	38
10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Донатто Карризи

Я – бездна

Donato Carrisi
IO SONO L'ABISSO
Copyright © Donato Carrisi 2020
All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»
Перевод с итальянского Татьяны Быстровой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

© Т. А. Быстрова, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается моим сыновьям
Антонио и Витторио —
лучшему, что я создал*

Why I should pity man more than he pities me?
«Почему я должен жалеть человека больше, чем он жалеет меня?»
Мэри Шелли. Франкенштейн, или Современный Прометей. 1818
(Перевод З. Александровой)

«Он здесь!»
«Франкенштейн»
(реж. Джеймс Уэйл), 1931

7 июня

Высоко-высоко наверху – надпись. Каких-то букв не хватает, какие-то покосились. Мальчику всего пять лет, он еще не ходит в школу, но все же узнает «Г» и «Р». Он знает, что буква «О» похожа на круг, и сейчас это «О» застыло на его изумленных губах.

– «Гранд-отель», – читает Вера для него, пока они подходят ближе, и указывает на высокое здание, которое поджидает их, объятые сном, зияет ослепшими глазами-окнами. По морщинистым стенам расползаются борозды, словно от высохших слез. Яркие граффити не могут оживить старого исполина, с ними он кажется еще печальней. Парадные двери заколочены деревянными досками и напоминают вход на сломанную карусель. Голые ветки кустов пробиваются сквозь асфальт, точно пальцы скелета, рвущегося из могилы.

Дружный хор невидимых цикад прерывается стуком деревянных подошв Веры и шарканьем пластиковых детских шлепанцев. Мальчик в синеньких шортах и майке не поспевает за матерью, не попадает в шаг. Вера с высоты своих туфель на деревянной платформе, с блестящей застежкой, – точно уверенная в себе, устремленная ввысь элегантная розовая птица фламинго.

Яркое солнце слепит глаза. Но мальчик не решается поднять голову и взглянуть на мать, пока они шагают бок о бок. На Вере темные очки с оправой «кошачий глаз», три крупных браслета соскальзывают к локтю, пока она придерживает соломенную шляпку, которая так нравится мальчику. Ту самую, которую они стащили в сувенирном магазине, с розовой лентой вокруг тульи. Он сам попросил Веру надеть ее, когда они собирались на улицу, и она согласилась. Под кофточкой и шортами на Вере купальник с зелеными и желтыми цветами, как у актрисы. Пышные светлые волосы блестят в лучах солнца. У Веры нежная и гладкая кожа с мелкими родинками, которые можно заметить, только если стоять совсем рядом.

Мальчику грустно смотреть на мать. Ему часто кажется, что он не заслуживает такой красоты. Он такой нелепый и нескладный, а она – само совершенство.

– Давай, мы почти пришли! – раздраженно подгоняет его Вера.

Ребенок тяжело дышит, ему хочется попросить ее идти медленнее, но он боится, что мать отпустит его руку и уйдет вперед. Она так редко берет его за руку – ему даже не верится, что она до сих пор не освободилась от его потной ладошки.

Но сегодня особенный день.

У Веры на плече большая сумка, куда она сложила два бутерброда, кока-колу и вспененные подстилки. Из сумки доносится запах мортаделлы и позвякивание бутылок.

Сегодня день Великого Испытания.

Последние недели они только о нем и говорили. Идея принадлежала Вере, и это немного настораживало. Иной раз мальчику казалось, что мать, как всегда, забудет об обещании. Но этого не произошло. Похоже, она была настроена сдержать слово.

Не страшно, что место для Великого Испытания оказалось совсем не таким, как он себе представлял. Они одни, и это уже хорошо, очередного поклонника не видно. Когда мать идет по улице, на нее постоянно оборачиваются мужчины, они пожирают ее глазами и что-то неразборчиво гундят себе под нос, точно назойливая мошकारа. Кажется, будто только она их не замечает. Иной раз очередному ухажеру удастся ее рассмешить, и тогда Вера впускает его в свою жизнь, не спрашивая мнения сына. Но сегодня все по-другому. Сегодня никто не посмеет отвлечь Веру от сына.

Сегодня она принадлежит только ему.

Мальчик уже понял, что ее мужчины приходят и уходят. Иногда Вера сама устает от них, а иногда они от нее. Ребенка они не замечают, а он и рад. Правда, иной вдруг замечает, начинает

изображать из себя отца и решает заняться воспитанием мальчика. Воспоминание о последнем преподанном уроке до сих пор дает о себе знать под мышкой, где гладкий ожог от сигареты.

Кто его настоящий отец, мальчику неизвестно. Он никогда не спрашивал. Наверное, один из таких мимолетных ухажеров. Нелепый и полный тип, который, перед тем как исчезнуть, оставил Вере напоминание о своем уродстве. И вот результат. Наверное, поэтому Вера не хочет, чтоб он звал ее мамой. Он называет ее так только про себя, когда думает о ней. У них не принято говорить «семья». Но даже Вера знает, что, если у тебя появился ребенок, будь любезна рассказать ему о том, что собой представляет этот мир, научи его жить, убедись, что он усвоил урок. Вот, например, пару недель назад они посмотрели фильм о «семье», поехавшей в отпуск к морю. С ними был мальчик. Отец подарил ему маску для плавания, научил, как ею пользоваться.

В этом и заключалось Великое Испытание. Вера пообещала научить его плавать. Вот только у него не было плавок. Перед тем как выйти из дома, он попробовал об этом напомнить, но Вера заметила, что и трусы отлично сгодятся, так что плавки ни к чему.

Ну и ладно, ему и так хорошо. Сердце бешено рвется из груди, вслед за Верой он протискивается меж кустов, хрустя битым стеклом и осыпавшейся штукатуркой. Они кружат вдоль забора «Гранд-отеля», пока не оказываются на заднем дворе.

– Ну, что я тебе говорила? – задорно объявляет Вера, указывая на изогнутый, как фасолина, бассейн.

Ладонь мальчика невольно выскальзывает из материнской руки, и он застывает на месте как вкопанный. Несмотря на то что ему всего пять лет, он уже понял, как больно бывает, если попадаешь в ловушку собственных иллюзий. Особенно если предложение исходит от Веры. Но теперь все еще хуже. Ком в горле мешает вдохнуть.

Вода в бассейне черного цвета. Крохотные насекомые и несколько стрекоз кружат над поверхностью, покрытой маслянистой пленкой.

– Ну, что не так? – В голосе Веры звучит недовольство.

– Ничего... – неубедительно выдавливает он из себя.

– Вперед, чего ты.

Но мальчик не в силах скрыть разочарование.

– Тогда пошли домой, – угрожает мать.

– Нет! – торопливо отвечает он, в ужасе оттого, что все испортил. – Давай останемся!

Вера колеблется, вопросительно поднимая бровь за линзой очков. Она оглядывается по сторонам.

– Давай загорать, – подытоживает она, доставая из сумки полотенце. Они располагаются на площадке, посреди сломанных лежаков. Вера стягивает с себя майку и шорты и растягивается на полотенце.

– А ты чего стоишь одетый? Шевелись!

Мальчик стягивает шорты и лишь затем майку. Мать неотрывно смотрит на него, и ему неловко. Он ждет от матери упрека за то, какой он жирный или пухлый. Но в этот раз она молчит.

– Не хочешь окунуться?

Мальчик молча смотрит на бассейн.

Заметив его нерешительность, Вера заливается смехом, но тут же запускает руку в сумку и говорит:

– Смотри, что у меня есть.

Обычно ничего хорошего от Веры ждать не приходится. Как-то раз она сказала, что пойдет в магазин купить ему подарок ко дню рождения, и пропала на целых три дня.

Но теперь она протягивает ему надувные нарукавники.

– Поначалу они тебе пригодятся, – замечает Вера, надувая их. – Так ты быстрее научишься.

Мальчик не верит собственным глазам. Максимум, чего можно ждать от его матери, – это мелкой кражи из детского отдела супермаркета. Обычно она крадет там одежду или обувь. Все, что есть у сына, включая несколько игрушек, Вера украла или подобрала на помойке. Закончив с нарукавниками, она помогает мальчику их надеть. Он радостно разглядывает оранжевые бублики на своих плечах. Теперь надо только набраться смелости, чтобы шагнуть в воду.

– Готово, – поторапливает Вера.

Мальчик шагает вперед, но, не дождавшись знакомой тени, застревает на полдороге и оборачивается на мать. Вера сидит на полотенце, раскуривая сигарету.

– А ты?

– Докурю и приду, – заверяет она. – Ты первый.

Но он не хочет идти один, и Вера это чувствует.

– Что случилось? Боишься?

Мальчику не нравится этот тон, но Вера часто говорит с ним так. Иногда даже в присутствии очередного мужчины. Тогда они подтрунивают над ним вместе.

– Нет, – отвечает он, изображая уверенность.

Он так боится испортить замечательный день. И идет к бассейну. С бортика вытягивает ногу и дотрагивается большим пальцем до воды, похожей на желе. Он знает, что мать наблюдает, чувствует ее взгляд промеж лопаток. Поэтому раздумывать некогда. Он садится на бортик и погружает ноги в воду до колен. Они исчезают в темной воде, и по взмокшей спине пробегают холода. Растерянный и неловкий, мальчик старается дышать как можно глубже.

– Нарукавники не дадут тебе утонуть, – кричит ему Вера. – Я за тобой приглядываю.

Мальчик пытается найти в себе силы опустить тело в неподвижную жижу. Он понимает, что времени нет. Время – сообщник страха. Он понял это, когда расстроенная и крепко выпившая в тот день Вера запустила в него стеклянной пепельницей. Всего секунда промедления – и за левым ухом образовалась кровоточащая ссадина.

– Сам не пойдешь – сброшу тебя в этот гребаный бассейн, – мрачно угрожает Вера, выдыхая облако сигаретного дыма.

Мальчик закрывает глаза и отпускает бортик.

Сначала он погружается в воду с головой, но что-то выталкивает его на поверхность. К счастью, нарукавники и правда держат его на плаву в этом темном вареве. Но ему кажется, что бассейн точно ожил, и это пугает. Он принимается шевелить ногами, но не для того, чтобы плыть, – скорее, пытаясь убежать.

– Видишь, не так уж и сложно, – замечает Вера. – Ну-ка, попробуй немного проплыть вперед.

Проплыть? Это как? Да он едва может развернуться. Однако мальчик боится разочаровать мать. Поэтому, поднапрягшись, он начинает мельтешить руками и перемещается к центру бассейна. Тот факт, что он проплыл, даже совсем немного, переполняет его гордостью. Правда, ненадолго. Ему вдруг кажется, что внизу до него кто-то дотронулся. Кто-то цапает его прямо за ногу. Как будто там, внизу, *чья-то рука* пытается утянуть его вниз. Он резко разворачивается, вырывается, отчаянно кричит (совсем как девчонка, сказала бы Вера) и старается оттолкнуть ногой непонятный предмет, который от толчка на секунду всплывает, а потом снова уходит под воду. То, что он принял за руку, – сухая узловатая ветка. Издалека до него доносится смех матери. Но вдруг это становится совсем не важно. Его внимание привлекает легкое дуновение воздуха, касающееся его щеки. Откуда это? Он поворачивает голову вправо.

В оранжевом нарукавнике зияет дыра. Совсем крохотная, но этого достаточно, чтобы весь воздух быстро вышел. Пока оранжевый бублик сдувается, мальчик чувствует, как тяжелеет

его рука. Вот бы оттолкнуться и очутиться у бортика! Но, не успев об этом подумать, он уже чувствует, что другая рука тоже осталась без поддержки.

Его ненадежная экипировка больше не помогает держаться над пропастью.

Он мечется на месте в полной уверенности, что грязная вода хочет его проглотить. Подбородок то оказывается в воде, то снова задирается вверх, губы тоже погружаются в черную жижу. Этот бассейн просто так не отпустит. Мальчик хочет закричать, позвать на помощь Веру. Ему удастся приподнять голову и приоткрыть рот, чтобы издать крик. Однако то, что он видит, наполняет его животным ужасом.

Вера берет полотенце с земли и кладет в сумку.

Мальчика сковывает страх, и от ужаса он вновь погружается в воду. С большим трудом ему удастся вынырнуть на поверхность. Барахтаясь, он вновь пытается разглядеть мать. Вера надевает соломенную шляпу и солнечные очки и идет прочь. Ее бедра покачиваются: она размеренно шагает в своих босоножках на высокой деревянной платформе и с блестящей застежкой. Мальчику не верится, что все это происходит на самом деле. Он кричит, вызывая к ней изо всех сил. Но только еще больше захлебывается мутной водой и не может вдохнуть. Его тянет ко дну, он размахивает руками. Пытается откинуть голову назад, чтобы разглядеть мать, но ее нигде нет. Она ушла.

Мамы нигде нет!

Беспользные нарукавники безжизненно повисли на плечах. Мальчик плачет и колотит руками воду. Из водной пропасти всплывают и окружают его грязные пакеты, ржавые канистры, алюминиевые банки и пластиковые бутылки. В отчаянной попытке спастись он цепляется за всплывший мусор, но все напрасно. Он задыхается от собственного плача, а горячие слезы стекают по грязному лицу. Животный ужас раздирает его изнутри. Край бассейна так близко и так далеко! Мальчик снова и снова погружается в воду, и все же ему удастся удерживать голову на поверхности. Но сколько он продержится? Как рыба, которую засасывает в сливную трубу, он бьется в бассейне, точно в гигантской раковине. Скоро, скоро настанет его последний вздох. Но он не готов сдаться и сучит ногами. Бортик бассейна очень близко, но ему не дотянуться.

Не дотянуться!

Силы покидают его. Ноги сводит судорогой, тело не слушается, он почти не чувствует рук. «Толстяк тонет, толстяк идет ко дну», – твердит он про себя, имитируя насмешливый, безжалостный голос матери, который точно поддразнивает его.

Но в эту самую секунду происходит нечто неожиданное. В нем просыпается что-то незнакомое, какая-то сила, таившаяся бог знает сколько времени под складками жира.

Неведомая сила.

Беспомощно повисшие вдоль тела руки сами собой тянутся вперед и начинают энергично бить по воде, ноги и стопы вступают в решительный бой. Он и сам не знает, откуда это в нем. Точно в его безвольное тело вселился какой-то чужак. Голова поднимается над водой, и ему удается сделать живительный вдох. Еще один гребок, и еще, и еще. И так продолжается до тех пор, пока руки не касаются цементного бортика бассейна. Мальчик цепляется за скользкий край и застывает, не в силах унять дрожь. Побелевшие пальцы впились в плитку, тело сводит судорогой. Так проходит минута за минутой.

А вокруг никого, только равнодушный стрекот цикад.

Держась за край бассейна, мальчик осторожно движется к проржавевшей лесенке. Цепляясь за оставшиеся ступеньки, он выбирается из черного колодца. Ему ужасно холодно, несмотря на жару. Он даже не замечает, что от страха описался. В ушах – только стук сердца, бешено рвущегося из груди.

– Мама... – издает он сдавленный крик. – Мама, мама, – снова и снова повторяет он, давясь икотой, забыв о том, что ему может достаться за нытье.

Он не знает, куда идти и что теперь делать.

Ясно только, что теперь он совсем один, мать бросила его. И что он научился плавать.

1

Самое спокойное место на Земле.

Об этом Чистильщик прочел давным-давно в газете, которую кто-то забыл в автобусе. В заголовке фигурировало озеро Комо.

На самом деле в статье говорилось не о людях, а о недвижимости. Пустующие дома, отличные инвестиции. Так, по крайней мере, он понял из статьи. Он плохо умел читать, смысл прочитанного ускользал от него. Но все же эти слова его поразили, и он решил воспринимать их как знак свыше.

Об этом он думал и тем весенним утром, оглядывая ухоженные газоны и зеленые изгороди богатого района в поисках мусора.

На циферблате кварцевых часов, которым он доверил отсчет времени собственной жизни, было без десяти пять. Еще не рассвело. Озеро виднелось на горизонте, похожее на длинную черно-серебряную графитовую черту. На извилистой дороге, что поднималась по холму, не было ни души. Кроме него, разумеется. Он сидел за рулем сине-зеленого фургончика мусорной компании. Окно было приоткрыто – ровно настолько, чтобы пробивающийся в щель холодный воздух не растрепал аккуратно зачесанные набок рыже-каштановые волосы.

Он поглядывал на дома вдоль дороги, стараясь разгадать, что скрывают их закрытые двери и царящая внутри тишина. Жители еще спали, пригревшись под теплыми одеялами. Юные парочки и пары постарше, успевшие обзавестись детьми, пары в возрасте и совсем пожилые. Все они лежали в своих кроватях. Лежали в кроватях и те, у кого по той или иной причине не было семьи. Вдовцы, разведенные, одиночки, которые за всю жизнь так никого и не встретили. У многих и родственников-то нет – вот почему, когда они умирают, дома остаются пустовать.

– Самое спокойное место на земле, – чуть слышно промурчал он. А еще пустынное место – правда, об этом как раз умалчивают. Впрочем, потому он сюда и перебрался лет десять назад. И его одиночество слилось со множеством других.

Он припарковался у тротуара и заглушил мотор. Осторожно, чтобы не повредить прищеску, надел кепку с логотипом жилищного хозяйства. Выйдя из машины, он медленно закрыл дверь и погрузился в спокойную, безопасную обстановку – как будто ему на плечи набросили теплый плед. Он снял очки в никелевой оправе, тщательно протер прозрачные линзы краем оранжевого передника, который надевал поверх зеленой формы, и снова водрузил очки на нос. Оставалось только оглядеться. Недалеко от места его парковки вот-вот зажгутся несколько окон – первые признаки неминуемой утренней суеты. Скоро суета опять поглотит мир.

Но пока было тихо. В этот час он по-прежнему мог считать себя безраздельным властелином мира.

В его распоряжении оставалось еще несколько минут. Скоро начнется смена. В оставшееся время он решил насладиться бездействием. Самые обычные жесты ранним утром приобретали особый, столь любимый им смысл. Например, можно было вытянуть руки вперед и, сцепив пальцы в замок, услышать тихий щелчок пальцев, который через несколько часов непременно потонул бы в городском гуле. Но еще больше ему нравилось вдыхать полной грудью. Чувствовать, как наполняются воздухом легкие, и выдыхать. Особое, ни с чем не сравнимое удовольствие, многими забытое и незаметное. Но он научился ценить возможность дышать давным-давно, когда в пять лет чуть не сгинул в черной, прогнившей пучине старого бассейна.

Утром воздух всегда какой-то особенный. Вот почему он старался получить первую смену. Помимо прочих радостей, можно было наслаждаться одиночеством и тишиной, тогда как днем полагался напарник. Но он не собирался делиться этой привилегией ни с кем. Чистильщик все время молчал. Даже когда он думал, это были скорее не мысли, а немые кар-

тинки, пробежавшие в голове длинной чередой, перемежающиеся самыми простыми ощущениями.

Однако он быстро понял, что его замкнутость не нравится людям.

Он не хотел раздражать окружающих своим присутствием. Никому не нравится, когда с ним рядом сидит тип, что лишний раз и слова не вымолвит, не курит, не пьет, не интересуется ни спортом, ни женщинами, не жалуется на жену и детей, не делится проблемами. У которого нет ни жены, ни детей. У него и друзей-то нет, как заметил бы кто-нибудь. «Тот, кто в них не нуждается», – ответил бы Чистильщик, если бы смог сформулировать нужную мысль. Когда он думал о себе, он не мог найти подходящих слов.

Больше всего о нем говорила его работа.

Он понимал, что обычные люди не уважают представителей его профессии. Большинство понимает, что кто-то должен собирать и вывозить мусор, который они производят, однако к ним, мусорщикам, или, лучше сказать, Чистильщикам, относятся с сочувствием и презрением. Будто такая работа – это наказание или же каторга. Впрочем, ему нравилось. Его не раздражали неприятные запахи, он не стеснялся ковыряться в том, что другим противно. Кто-то же должен заниматься этим неприятным делом, таков закон жизни, ничего не поделаешь.

В районе города Комо и одноименного озера работать нужно было особенно тщательно. Это своего рода вопрос престижа. Каждую ночь, пока жители спали, мусорщики и дворники начищали город до блеска. Три раза в неделю перед мытьем дорог небольшие зелено-голубые фургончики сновали по улицам в поисках пакетов, которые законопослушные граждане выставляли вдоль тротуара. Разноцветные пакеты, рассортированные по типам перерабатываемого вторсырья, выставлялись на улицу строго по дням недели.

В четверг собирали органические отходы.

Кварцевые часы на руке Чистильщика издали короткий сигнал: пять утра. Пора за работу. Он достал из фургончика и надел пару рабочих перчаток. В тот самый миг, когда первые всполохи солнца заиграли на поверхности озера тысячами ярких искорок, он зашагал вперед по дороге, останавливаясь у каждой калитки, под которой лежал пакет. Собрав достаточно пакетов, он возвращался к фургону и аккуратно складывал по одному в мусорный контейнер. Тщательно и бесшумно. После чего приминал пакеты специальной палкой.

Его отправили в этот район не так давно, но завтра предстоял новый перевод: Чистильщики должны меняться каждые шесть недель. Жаль было покидать привычное место, отказываться от повседневных маленьких радостей. Предстояло привыкать к чему-то новому, создавать новые обряды.

Например, он уже шесть недель подряд останавливался у дома номер 23 и смотрел на старый особнячок начала двадцатого века со странными стрельчатыми окнами, остроконечными щипцами и железной оградой. Нечто среднее между церковью и крохотным замком. Кружевные занавески всегда задернуты, но на широком подоконнике виднелась большая подушка, где лежали, свернувшись, пять котов: серебристый, черно-белый, рыжий и два серо-полосатых. На том же подоконнике стоял горшок с гортензией.

И вот теперь, намереваясь попрощаться, он в последний раз оказался у этого дома. Чистильщик поправил очки, сползшие на нос, и поднял пакетик, лежавший у калитки.

Не больше двух килограммов.

Комо – город покоя и одиночества. Его собственное одиночество примешивалось к одиночеству обитателя странного дома.

Чистильщик вернулся к фургону, но, вместо того чтобы бросить пакет к остальным, открыл водительскую дверь и затолкал его под сиденье.

Затем залез в кабину, завел мотор и поехал дальше.

2

Около трех часов тем же солнечным, но прохладным днем обычный служащий, каких сотни, неприметно одетый, вышел из здания муниципального предприятия после окончания смены.

Именно таким, по крайней мере, он себя видел. Снимая форму, он надевал простую одежду, купленную в дешевом гипермаркете. Обычно он старался найти что-то неброское, нейтральных цветов. Светлые джинсы, черные ботинки на шнурках, темно-серый свитер и белую рубашку – в крайнем случае голубую. Простенькую светло-серую куртку со спрятанным в воротнике капюшоном на случай дождя.

Сегодня у него была черная сумка через плечо.

До дома он ехал с тремя пересадками, хотя мог бы поехать на прямом автобусе. Особой причины для усложнения маршрута не было, просто он был предусмотрителен.

Он вышел на остановке и, глядя себе под ноги и засунув руки в карманы, зашагал к площадке, окруженной многоэтажными зданиями. При каждом шаге сумка ритмично ударяла по бедру. Пробрался через толпу ребятишек, гонявших мяч по расчерченному неуверенной детской рукой асфальтовому полю. Прошел мимо женщин, сбившихся в группки. Некоторые женщины курили, некоторые что-то бурно обсуждали между собой или по телефону на непонятном языке, иная укачивала ребенка в коляске, другая активно жестикулировала. Мужчины стояли чуть в стороне – у каждого в руке по пиву, на лице показное спокойствие. На заднем плане слышался гул, из открытых припаркованных машин вырывалась ритмичная музыка. Он был чужаком среди этого шумного, вычурного мира. Незнакомцем, забредшим на чужую территорию. Казалось, все взгляды должны быть устремлены на него. Однако с ним никто не здоровался, никто его даже не замечал. Казалось бы, он должен избегать скопления людей, вот только Чистильщик давно понял, что в любой толпе он остается незамеченным. Даже таракану на танцполе достается больше внимания. Когда-то его это печалило, но со временем он научился смотреть с другой стороны. Скольким людям давалось подобное умение? Именно это выделяло его из толпы простых смертных.

«Я невидимка», – сказал он себе.

Он шагнул в арку, ведущую во двор. На крыше дома виднелся большой резервуар для воды. Чистильщик вызвал единственный работающий лифт и поднялся на седьмой этаж. Его квартира располагалась в самом конце узкого темного коридора. Чтобы попасть внутрь, нужно было открыть три замка, которые он поставил в тот самый день, когда поселился в квартире. Он порылся в кармане дешевой куртки и достал маленький игрушечный танк, к которому были привешены ключи, после чего принялся орудовать ими в замочной скважине.

Переступив порог, он с облегчением оставил внешний мир по ту сторону железной двери.

В квартире было две комнаты и тесная уборная. Первая комната использовалась как гостиная с отведенным для готовки уголком, и там же стоял раскладной диван, ночью превращавшийся в кровать. Вторую комнату отделяла от первой зеленая дверь с тремя секциями и потемневшей латунной ручкой.

Дверь была заперта на ключ.

Привалившись спиной к входной двери, Чистильщик ждал. Снаружи доносился шум улицы и телевизора, домашние ссоры соседей и детский плач. Но уже через несколько секунд у него приятно зазвенело в ушах и все звуки стихли.

Из окна пробивался слабый, словно мутный свет. Хозяина не интересовал вид, а сама мысль о том, что соседи будут смотреть на него через стекло, была невыносима – вот почему окна были затянуты матовой пленкой. Когда глаза привыкли к слабому свету, он обошел территорию – хотел убедиться, что там не побывали непрошенные гости. Правда, лишь призраки

могли бы проникнуть в квартиру без ключей и так же из нее выйти, однако предчувствие подсказывало, что лучше в этом удостовериться. В квартире не было ничего ценного. Ни компьютера, ни телевизора. Звонить тоже было некому, так что в мобильнике он не нуждался. Что до денег, компания переводила их на его счет в банке, и он снимал деньги лишь в случае крайней необходимости. И все же мысль о том, что некто чужой мог ворваться в его дом, нарушить гармонию его пространства, беспокоила Чистильщика. Однако все вещи лежали именно там, где он их оставил, когда ушел на работу. Все было на месте.

Стол, что стоял посреди комнаты, тоже остался на месте. На нем лежало несколько предметов, накрытых скатертью в цветочек.

Не развязывая шнурки, Чистильщик надавил носком одного ботинка на пятку другого, разулся и поставил ботинки у порога. Лишь после этого он зашел в единственное используемое помещение квартиры. Снял сумку, повесил на крючок и направился к небольшому шкафу. Открыв левую дверцу, он снял с себя одежду, развесил на плечиках и разложил по полкам, туда же, где были остальные вещи. Оставшись в голубых трусах и белых носках, он несколько минут смотрел на свое отражение в зеркале. Полное, дряблое тело, выступающие бока, светлая кожа, покрытая мелкими родинками, очки с толстыми стеклами, каштановые с рыжиной, идеально уложенные волосы.

«Не хочешь окунуться?»

Он помотал головой и закрыл шкаф, отгоняя от себя воспоминание. Затем взял темный длинный фартук из полиэтилена и надел его через голову. Потом вернулся к сумке. Медленно расстегнул молнию, запустил руку в мягкое чрево и выудил черный пакет, подобранный у дома номер 23. Отнес мешок к столу, держа за уголок, свободной рукой отодвинул скатерть в цветочек, обнажив таившиеся под ней сокровища.

Расставленные в ряд слева направо, на столе красовались семь пустых баночек от кошачьей еды, три коробочки из-под кошачьих лакомств, четыре разбитых пузырька глистогонных капель, почти пустая баночка антивозрастного крема для лица с истекающим сроком годности (внутри – пожелтевшие остатки крема), использованный тюбик антицеллюлитного крема, пустой блистер от таблеток для похудения, компрессионные колготки со стрелкой, двенадцать полосок для депиляции с приклеившимися темными волосками, почти использованный флакон краски для волос цвета платиновый блонд, розовая зубная щетка с растрепанной щетиной, девятнадцать смятых пачек от ментоловых сигарет «Вог», салатовая зажигалка «Бик», три пустые бутылки из-под дешевой водки, две пластиковые бутылки от тоника для лица объемом 700 мл, просроченный рецепт, где значилось: «„Лоразепам“ в каплях, 20 мг, 3 р. в день», три пустых пузырька «Лоразепама», использованная телефонная карточка, несколько старых женских журналов, пачка чеков, которые он сам скрепил скрепкой. И наконец, коробок спичек с рекламой ночного клуба.

«Блу».

Чистильщик рассматривал коллекцию сокровищ, которые вытащил из мусора, оставленного перед домом номер 23. Он отбирал их кропотливо, исходя из простого правила, выведенного им за долгие годы.

Мусор рассказывает о человеке всю правду. Потому что, в отличие от человека, мусор не умеет лгать. Из того, что люди выбрасывали, о них многое можно было узнать. И по сути, именно мусор был для него посредником в общении с другими людьми. Однако не со всеми. Его интересовали лишь люди, похожие на него самого.

Одиночки.

Под столом стоял голубой тазик. Чистильщик расположил его на столе, в специально отведенном месте. Положил в тазик завязанный мусорный пакет. Открыл ящик стола, вытер запотевшие ладони о фартук, надел латексные перчатки и вооружился ножницами.

Осторожно разрезав пакет сверху, он высыпал содержимое в таз.

В пакете не обнаружилось ничего нового: остатки еды подтверждали уже изученные пищевые привычки жительницы дома 23. Чистильщик осторожно погрузил пальцы в мусор – проверить, не пропустил ли что-нибудь важное. Остатки продуктов вкупе с сокровищами со стола говорили о том, что женщина, проживающая в доме 23, не располагала большими деньгами. О том же свидетельствовали и обнаруженные чеки. Но было в этом мусоре кое-что еще.

Нечто неприметное, невидимое для неопытного глаза.

Чистильщик умел подмечать скрытые знаки, в этом состоял его особый дар. Благодаря небольшой кучке мусора он легко мог составить себе представление о женщине, которая заботилась о кошках куда больше, чем о себе. Алкоголь и курение были для нее не просто дурной привычкой, но способом бороться с одиночеством и тоской.

В том, как одержимо она пользовалась кремами и прочими средствами, читалась отчаянная попытка удержать ускользающую молодость, пока не стало слишком поздно. Оставалось только завидовать другим, любоваться чужой жизнью. Совсем другой жизнью, так откровенно глядевшей на нее с глянцевого страниц желтой прессы.

Помимо этих предположений, было еще одно важное для Чистильщика обстоятельство: мусор явно свидетельствовал о том, что за шесть недель у жительницы дома 23 ни разу не было гостей. Никто ни разу не заходил к ней ни на ужин, ни даже просто на дневной чай или кофе. Порции на одного свидетельствовали о бесконечном одиночестве этой женщины. Кто знает, куда она отправлялась, когда больше не могла довольствоваться обществом кошек? Быть может, она искала человеческого тепла в случайных знакомствах, вроде тех, что заводят в посредственных клубах?

Вроде того самого «Блу».

Чистильщик снял перчатки, взял из ящика тетрадку в линейку и вытащил заложенный меж листов карандаш. День за днем он отмечал в ней каждый предмет, обнаруженный в мусоре дома 23. Кто-то мог бы заметить ему, что не стоит вмешиваться в чужую жизнь. Кое-кто даже одернул бы его за это.

«Ах ты мелкий, проклятый паршивец, опять суешь свой нос куда не надо!»

На что он мог бы ответить, что это не то, чем кажется, ведь именно так сортируют мусор, чтобы подарить ему вторую жизнь. Стекло, железо, сталь – все эти материалы могут быть переработаны. И он помогает дарить отходам новую жизнь, замыкая этот волшебный круг.

Все, что он спасал из мусора, имело особую ценность.

Он тщательно дополнил список, понимая, что цель наконец достигнута. Когда он закрыл тетрадь, накатило удовлетворение от отлично выполненной работы. Скоро он снова сложит в пакет остатки еды и выбросит в помойку. Но теперь можно избавиться и от остального: жизнь женщины из дома 23 лежала перед ним как на ладони. Может быть, он знал теперь о ней больше всех. Никому не было до нее дела. Он же считал себя сосудом, наполненным жизнью другого человеческого существа. И женщина могла ни о чем не беспокоиться: он никому не раскроет ее секретов, использует их исключительно в благих целях.

Он уже собирался спрятать тетрадь, как вдруг его внимание привлекло нечто блестящее, оставшееся на дне таза. Он наклонился и кончиком карандаша подцепил что-то маленькое и красное, не замеченное прежде. Он осторожно ухватил вещь пальцами, протер фартуком и поднес к глазам, чтобы получше разглядеть.

Кусочек сломанного ногтя, покрытый красным лаком.

Он долго разглядывал его с чувством необъяснимого изумления. Ведь это не какой-то там мусор. Это частичка той самой женщины.

Реликвия.

Он осторожно положил осколок на стол. Ноготь словно испускал странное излучение, какой-то сигнал, понятный лишь ему одному. Внутри зашевелилось нечто похожее на возбуждение. Этот кусочек ногтя стал своего рода первой встречей с избранной.

Чистильщик повернулся к зеленой двери. Он снова почувствовал в себе готовность переступить порог.

Пора рассказать обо всем Микки.

3

Клуб «Блу» представлял собой приземистое бетонное здание посреди пустыря.

В девять пятнадцать вечера Микки вышел на парковку. К тому моменту на площадке едва насчитывалось восемь машин, припаркованных на щебенке у самого входа. Там же стоял старый микроавтобус – многие пользовались им как маршрутным такси, чтобы добраться до места. Неоновая надпись, что должна была гласить «Танцевальный клуб „Блу“», местами погасла, некоторые буквы едва угадывались. Окна заведения были замазаны синим, но сквозь отдельные трещинки в краске из зала наружу проникал свет стробоскопических ламп.

Микки заглушил мотор, но не спешил вылезать из машины. За эти годы он научился никуда не торопиться. Оставаться терпеливым было важно, чтобы сохранять самоконтроль. Это входило в придуманные им для себя же правила, и теперь он подчинил себе свои желания полностью. Он умел сохранять терпение и умел наблюдать. Это тоже было важным качеством.

Из заведения раздавались громкие басы. В его голове этот гул превращался в молитвенный хор. И все голоса молились за него.

Они знали, что он на подходе.

Но все нужно было делать взвешенно и неспешно; «взвешенно и неспешно», – повторял он себе, сдерживая желание, что отзывалось давящим ощущением в животе. И лишь убедившись, что никаких сюрпризов не ожидается, он вышел из машины и направился ко входу.

На нем был черный кожаный блейзер и брюки под цвет. Светлая рубашка в цветочек с заостренным воротничком. Тонкий бордовый галстук. Ремень с серебряной пряжкой и высокие ботинки.

Волосы цвета пепельный блонд.

Скучающая кассирша в окошке с помощью штампа оставила невидимый отпечаток на внутренней стороне его правого запястья.

– Первый напиток бесплатно, – сообщила она.

Микки отдернул красную занавеску и очутился в большом зале, залитом рассеянным светом. Тогда он увидел, что на руке в месте отпечатка проступил купон на бесплатный напиток. «Интересный эффект», – подумал он, глядя на надпись при свете ультрафиолетовых ламп.

Заведение устраивало «тематические танцевальные вечеринки по четвергам». Сегодняшний вечер был посвящен фолку, но большинство присутствующих были больше вдохновлены скидкой по будням и бесплатным напитком.

Сквозь тонированные линзы очков Микки посмотрел по сторонам.

На небольшой сцене группа из пятерых человек играла какой-то медляк, в темп которого под диско-шаром танцевали в обнимку несколько парочек. Всего в заведении – в баре, на танцполе и на диванчиках – он насчитал около сорока посетителей. Он внимательно вгляделся в каждого. Как он и предполагал, завсегдатаями «Блу» были те, кому за шестьдесят.

Уже через несколько секунд он углядел блондинку, которая одна-одинешенька сидела в зоне для курящих: дымящаяся сигарета «Вог» с ментолом дымилась меж ее пальцев, а в пластиковом стаканчике рядом с ней наверняка была водка с тоником.

Все точно так, как говорил ему Чистильщик.

Микки подошел к стойке, протянул бармену руку с синей печатью и попросил налить ему колы. Заполучив пластиковый стаканчик, он принялся прохаживаться по залу с напитком в руке, покачивая головой в такт музыке и изображая, будто она ему нравится. На самом деле он тайком, не глядя прямо на нее, наблюдал за блондинкой, которая курила.

Он надеялся, что она сама его заметит.

«Должна заметить», – думал он. Она же здесь не просто так. Все остальные уже нашли пару, остальные одинокие самцы никак не могли с ним соперничать. Потому что Микки располагал качеством, которым остальные были обделены.

Он был молод.

Микки разбавлял средний возраст посетителей заведения. Он так выделялся на фоне остальных, что этого было достаточно, чтобы привлечь внимание женщины в летах.

Как он и думал, белокурая курильщица вскоре заметила его.

Краем глаза он увидел, что она подвинулась, чтобы лучше разглядеть загадочного незнакомца, в одиночку слонявшегося по клубу. Должно быть, в эту минуту она спрашивала себя, каким ветром его занесло в подобное заведение.

«Сегодня она еще никого не нашла», – подумал Микки. Что ж, тем лучше для него. То, что блондинка им заинтересовалась, стало еще очевиднее, когда она вежливо отшила какого-то типа, подкатившего с предложением потанцевать.

«Она ждет меня», – самодовольно подумал Микки и приступил к сближению.

Сначала он сделал несколько шагов к дивану, затем, оказавшись на подходящем расстоянии, вытащил из кармана пачку «Мальборо» и зажигалку. Теперь у него был повод переместиться в зону для курящих и оказаться за диваном.

Женщина смотрела на танцующих, но чувствовала на себе взгляд Микки. Она сидела так, чтобы выглядеть как можно привлекательнее, выставляя напоказ свои женские прелести. Со своего места Микки мог как следует разглядеть ее профиль. На вид ей было лет шестьдесят пять, плюс-минус. Толстый слой макияжа скрывал морщины на лице и складки на шее, а сероватый цвет кожи выдавал заядлую курильщицу. На ней было черное кружевное платье с глубоким вырезом, броская бижутерия, босоножки на высоком каблуке, не скрывавшие выступающую косточку рядом с большим пальцем. Едкий запах духов смешивался с запахом ментоловых сигарет.

Изображая безразличие, женщина протянула руку к столу и взялась за стаканчик. Выпив остатки водки с тоником через соломинку, испачканную красной помадой, она начала постукивать кончиками пальцев по пустому пластиковому стакану. Тогда-то он и заметил ее ногти, покрытые красным лаком. Один из них, на среднем пальце, был сломан. Незнакомка, что сидела перед ним, проживала в доме номер 23. Хотя он и так это знал: с самого начала он в этом даже не сомневался.

Хорошо, что Чистильщик заметил эту важную деталь.

Она потянулась вперед, чтобы затушить окурочек в пепельнице, и тут же открыла серебристую сумочку со стразами в поисках новой. Микки воспользовался случаем и протянул ей зажигалку из-за спины. Женщина обернулась, изображая удивление. Но затем расплылась в улыбке:

– Магда, будем знакомы.

– Микки, – в тон ей ответил он и присел рядом.

– Ты здесь впервые, *Микки*? – спросила она, намеренно выделяя его имя.

– Слышать слышал, но зашел первый раз. Тут не так уж и плохо, – добавил он, оглядывая заведение.

– Жаль, что сегодня как-то тоскливо, – заметила женщина, указывая в сторону почти пустого танцпола.

– Так ты здесь часто бываешь?

– Как получится, – кивнула она. – По выходным народу побольше, в будни ходит маршрутка, возит таких вот, типа меня, кто без машины. Музыка здесь неплохая, мне нравится.

Из динамиков раздавалась перепевка фолковой мелодии, которую ему уже приходилось слышать. Наверняка известная, вот только названия он не помнил. Он надеялся, что Магда не потянет его танцевать. «Только не это», – вертелось у него в голове.

– Что пьешь? – спросила она.

Он поднял стакан к глазам, точно хотел удостовериться, что там внутри.

– «Куба либре», – солгал он. Алкоголь притуплял чувства, а ему следовало сохранять ясность ума.

– Чем занимаешься? Кем работаешь? – Магда подкидывала темы для разговора, чтобы ускорить процесс знакомства.

– Торговым представителем, – ответил он. – Продаю женскую обувь.

Однажды он где-то услышал, что женщины любят покупать обувь настолько, что готовы говорить о ней вечно. Присутствующие посмеялись, но, видимо, это была правда: сейчас его ответ, кажется, вызвал у собеседницы интерес.

– Разъезжаю туда-сюда, – добавил он. – Работа нелегкая, но мне нравится. Есть возможность посмотреть новые места, познакомиться с новыми людьми.

– Кто знает, со сколькими красивыми и юными дамами ты уже познакомился, – прошептала Магда, намекая на разницу в возрасте.

– Что есть, то есть, – небрежно ответил он, глядя на кольцо с бирюзой, которое носил на мизинце правой руки. – Но я не сужу человека по тому, что написано в паспорте. Да и не всякая женщина произведет на меня впечатление.

Собеседница с равнодушным видом пропустила комплимент мимо ушей.

– И что же нужно сделать женщине, чтобы произвести на тебя впечатление? – уточнила она.

– Она должна быть блондинкой, – ответил он, глядя ей прямо в глаза. *И это действительно было так.*

Магда улыбнулась, и он воспользовался возникшей паузой, чтобы взять ее за руку.

– Позволишь? – спросил он, вглядываясь в ее ладонь.

– Ты что, читаешь по руке? – рассмеялась она.

– Бывает.

– Ну что ж, пожалуйста... – согласилась она, заинтригованная.

Микки снял темные очки, нахмурил лоб и сосредоточился, делая вид, будто пытается проникнуть в тайны бытия, сокрытые в линиях бледной кожи.

– И что же ты там увидел? – с любопытством поинтересовалась она.

Меж тем он нежно скользил подушечкой пальца по линиям ее руки, пробуждая у нее ощущение легкого возбуждения и щекотку.

– Я вижу, что ты долго и безнадежно ждала; а еще большую любовь. Несчастную любовь.

Рука женщины немного напряглась.

– Судьба была к тебе несправедлива, ты не смогла воплотить в жизнь свои мечты о любви. На твоём пути было много завистников и негодяев.

Женщина молчала, и это молчание говорило само за себя.

– Когда ты уже отчаялась встретить того единственного, ты бросилась в объятия случайных мужчин, но и это не смогло растопить твоё одиночество. Короткие интрижки не спасали. Тебя ранили раз за разом. Ты перестала доверять мужчинам, и правильно сделала.

– А о будущем там ничего нет? – робко спросила она.

Микки улыбнулся:

– Ты отправишься в длинное путешествие – ты ведь всегда мечтала посмотреть мир. Затем произойдет нечто неожиданное. Я вижу встречу, которая изменит твою жизнь. Человека, который...

– И кто же он?

Микки оторвал взгляд от руки и посмотрел ей прямо в глаза, намекая, что ответ она должна найти внутри себя.

– Да у тебя талант, – нежно проворковала она. – Пожалуй, я готова еще выпить. – И с этими словами ее рука выскользнула из его ладони. Она вдруг развернула ее внутренней стороной запястья – той, где был светящийся отпечаток, – как бы намекая, что угощает он. Ей явно нравилось мужское внимание.

– Конечно, – кивнул Микки, поправляя очки. – Пойду закажу.

– Мне водку с тоником, – уточнила она, указывая взглядом на пустой стакан.

«Знаю, знаю», – подумал Микки про себя.

По пути от дивана до стойки он думал о том, как удачно все складывается. Так естественно. Поэтому он уже предвкушал кульминацию вечера. Когда с церемониями будет покончено, можно будет наконец перейти к сути. Я ведь знаю, что тебе нужно, хоть ты и стараешься изображать невинность. Если бы ты этого не хотела, тебя бы здесь сейчас не было. Ему нужно было лишь сохранять осторожность, чтобы не показаться слишком нетерпеливым. Надо было особенно тщательно подбирать каждое слово. Сколько раз он бывал так близок к цели, как вдруг терял с трудом завоеванное расположение из-за случайно оброненного слова. Вскоре он вернулся к дивану с коктейлем в руке.

– Не хочешь потанцевать? – спросила Магда, беря стакан у него из рук.

Он промолчал. Заметив его колебания, она огорчилась.

– Уже поздно, – попробовал исправить Микки, поглядывая на позолоченные часы. – Я заехал ненадолго, завтра рано вставать на работу.

– Не страшно, – обиженно ответила она, чувствуя себя отвергнутой. И снова принялась рассматривать танцующие пары.

Выражение его лица выдавало человека, который только что все испортил и раскаивается.

– Моя бывшая ушла и бросила на меня своего кота... Похоже, ему не нравится ночевать одному.

Такая внезапная откровенность смягчила блондинку, и она снова повернулась к нему:

– Так у тебя есть кот?

– Не то чтобы он мой, но теперь он живет у меня.

– У меня тоже кошки, я понимаю, что это такое.

– И не говори, – поддакнул он с загадочным видом.

– Ну что же, пожалуй, я тоже поеду. Не хочешь меня подвезти?

– Само собой.

Он помог ей надеть легкий плащик, и оба направились мимо танцпола к выходу. На улице они свернули к парковке. Оба молчали, но Микки всем телом ощущал напряжение, повисшее в воздухе. На улице было свежо, при выдохе изо рта вырывалось белое облачко пара. Микки пропустил спутницу вперед, озираясь, чтобы удостовериться, что они одни. На площадке раздавался лишь цокот ее каблучков. Его «фиат-фьорино» стоял дальше всего от входа, поближе к дороге. Микки ускорил шаг, как бы указывая спутнице дорогу.

Она же медлила, и по звуку шагов он почувствовал ее нерешительность.

«Она увидела старый фургон, – подумал он. – Она почуяла неладное и дала задний ход». Но Микки предвидел такой поворот событий. Он обернулся к женщине и улыбнулся.

– Любишь носить туфли? – спросил он и продолжил шутливо: – Ну конечно, дурачок, какая женщина не любит туфли. У меня тут их целая машина. Хочешь померить? Посмотрим, что тебе подойдет. Какой у тебя размер? На первый взгляд тридцать восьмой.

– Так и есть, – заметила она слегка дрожащим голосом, недоверчиво поглядывая на фургон. Оставалось пройти всего несколько метров, но Магда застыла на месте.

Микки сделал вид, что ничего не заметил.

– Самый ходовой размер, ты в курсе? Но сегодня тебе повезло – я как раз затарился образцами. – И он вытащил из кармана брелок в виде игрушечного танка, на котором болта-

лись ключи. – Подарок от племянника, – заметил он. – Мальчишка подарил мне его на день рождения, я с ним не расстаюсь.

Услышав «племянник», Магда немного расслабилась.

– Как мило, – заметила она. – Я уже кое-что о тебе знаю: у тебя есть кот и племянник.

Кажется, подобное открытие ее позабавило. Еще поразмыслив, она в конце концов решила, что этой информации вполне достаточно, чтобы довериться незнакомцу.

И снова зашагала к фургону.

Как настоящий джентльмен, Микки открыл дверцу кабины и подождал, пока она устроится на сиденье, а сам обошел вокруг и занял место водителя. Он завел мотор и, заметив, что Магда продрогла, сразу включил печку.

– Спасибо, – сказала она, застегивая воротничок плаща.

В машине пахло сосновым освежителем, который был закреплен на решетке одного из воздухозаборников. Включилась магнитола, и тут же запело ретрорадио. Из колонок зазвучала известная песня о любви.

Микки развернулся у входа в «Блу» и выехал за ворота. Машина понеслась по пустой дороге, вдоль которой расстилались окутанные туманом поля.

– Твоим пятерым котикам тоже грустно, когда тебя нет дома? – спросил он, возобновляя прерванный разговор.

– О да. Иногда мне кажется, что они в доме хозяева, а я – гостья, – засмеялась Магда.

И тут же глубоко задумалась.

Микки только этого и ждал: он не просто так задал вопрос. Ему хотелось, чтобы она сама все осознала, так будет правильно.

– Слушай... – сказала избранница дрожащим голосом. – Я тебе говорила, что у меня есть кошки, но не говорила, что их пять.

Микки помедлил с ответом.

– Так и есть, – спокойно произнес он, не отрывая глаз от дороги. – Ты не говорила.

4

Щетки автомойки производили на него гипнотический эффект.

Держа руки в карманах, Микки смотрел, как они ерзают по «фиату». Внутри разливался благословенный покой. На мойке никого не было, к запаху ночного воздуха примешивался запах бензина. Это бодрило. Микки тщательно отмыл сиденья, прошелся по салону озонатором. Когда цикл мойки закончился, он снова влез в машину, чтобы отогнать ее на многоуровневую парковку, где собирался накрыть фургон серым чехлом.

Домой он вернулся около часа.

У двери спокойно разделся, собрал одежду с пола и как попало закинул в черный мусорный мешок, который понес в ванную.

Включив свет, он посмотрелся в зеркало.

Снял темные очки, аккуратно сложил и оставил на раковине, а с ними и кольцо с бирюзовым камнем, и позолоченные часы.

Глядя на свое отражение, он отклеил брови и вытащил голубые линзы.

Заведя руки за уши, медленно стянул блондинистый парик, обнажив лысый череп больного алопецией. Провел по голове ладонью, стряхивая остатки засохшего клея, и погладил два ровных шрама, симметрично рассекающих голову. Двадцать семь швов с одной стороны, двадцать три с другой.

«Два разряда молнии...»

Микки водрузил парик на голову манекена рядом с другим, каштановым, который обычно носил Чистильщик. Потом расчесал шевелюру, уложил феном и спрыснул лаком.

После этого он залез под душ и принялся натирать голое, без единого волоска, тело мочалкой, намыленной мылом с хлоркой. Кожу немного жгло, зато действовало отлично. Вычистив грязь под короткими ногтями металлической щеткой, он тщательно смыл с правой руки синюю печать.

Потом взялся за одежду.

Положил рубашку, штаны, носки и трусы в ванную, налив туда пятновыводителя, который разрушал белковые связи между органическими загрязнениями и волокнами ткани. Затем добавил ложку специального порошка, что обычно покупают домохозяйки, дабы придать нежность жаркому из говядины, или мясники, чтобы отстирать рабочую одежду от следов разделки туш. Такой есть в любом супермаркете. Пока остальная одежда сохла, он надел маску и тщательно отчистил тканевую подкладку кожаного блейзера и галстук с помощью баллончика для сухой чистки – в нем были дистиллированная вода и тетрахлорэтилен. Кожаный верх он промокнул льняной тряпкой, пропитанной раствором очищенного бензина. Продезинфицировал часы, кольцо, кошелек и ремешок специальной салфеткой, смоченной в аламиноле. То же самое проделал с ключами и брелком. Затем натер подошвы ботинок специальной пастой с добавлением хрома, а затем снял слой пасты вместе с остатками земли и волокон. Протер ботинки раствором карбоновой кислоты с семидесятипроцентным спиртом и снова протер маслом и кремом для обуви. Наконец, все еще не одеваясь, он отгладил и тщательно сложил каждую вещь.

Закончив ритуал, Микки отправился в свою комнату. Через некоторое время оттуда показался Чистильщик. Он закрыл зеленую дверь на ключ.

Опираясь на потемневшую латунную ручку, он думал о том, как ему жаль каждый раз расставаться с Микки. Сначала они не ладили, но затем их отношения стали почти идеальными. Микки всегда был рядом. Пусть они и разные, но идеально дополняют друг друга. Он скромненький, а Микки дышит уверенностью в себе, умеет общаться с людьми; он же совсем не умеет. В лексиконе Микки нередко проскакивали словечки, которые Чистильщик слышал от

ухажеров, вертевшихся вокруг Веры. Так, например, когда-то сербский дальнбойщик уверял ее, что умеет гадать по руке, и она залипла на него по полной. Микки дарил ему то, чего у него никогда не было: настоящую жизнь. Взамен Чистильщик старался за ним присматривать. Покупал ему новую одежду, экономил на всем, чтобы Микки мог сходить куда-нибудь оторваться. Они жили в полной гармонии друг с другом. И отлично друг друга понимали.

Но что самое главное, Микки, в отличие от остальных, никогда бы не бросил его.

«Где бы ты ни был, нарисуй зеленую дверь, и я буду рядом».

Короткий электронный сигнал привел его в чувство: стрелка часов показывала две минуты четвертого. За окном было еще темно.

Начинался замечательный день.

День после всегда был невероятный, особенный, лучший. Он понимал, что сделал все, как надо, и внутри еще сохранялось приятное чувство отлично выполненной работы. Вскоре воспоминания о пережитом стирались, растворяясь в привычном безразличии к жизни, но в такие дни все было иначе. Сейчас ему предстояло насладиться драгоценными часами.

Он насыпал в гейзерную кофеварку кофе и поставил на плиту так, как делал всегда. Скоро нужно будет идти на работу. Важно не изменять своим привычкам. Он устал, но спать не хотелось, в крови еще оставался запас адреналина. Он понимал, что скоро усталость даст о себе знать, но вполне мог дотянуть до возвращения домой – завтра суббота, и уж тогда можно отоспаться.

В конце такого чудесного дня он всегда спал как младенец.

После чашечки кофе он сгреб разноцветные мешки для мусора и сложил в них то, что собрал за последние недели у дома блондинки. По дороге на работу в городскую жилищную службу он выбросил каждый куда полагается. Пока он раскладывал сокровища по мешкам, на него накатило странное чувство опустошения. К пониманию того, что столь кропотливая и долгая работа ныне завершена, примешивались сожаление и горечь оттого, что пришла пора проститься с тем, что наполняло его жизнь в последние недели.

По крайней мере, пока Микки не доверит ему новое задание.

С этим горьким чувством он протер пустой стол тряпочкой с «белизной», стирая следы пребывания избранницы в его квартире.

Когда все было закончено, он натянул обычную одежду, которую скоро предстояло сменить на зеленую форму уборщика. Затем нацепил на голову каштановый парик и надел очки в никелевой оправе. Выходя из дома, он помедлил на пороге, сжимая в руке связку ключей с игрушечным танком.

«Я невидимка», – сказал он себе. Начинался идеальный день.

5

Островок Комачина, поросший буйной растительностью, поднимался из вод озера, точно древнее ископаемое. Полоску пляжа омывали ленивые волны. Добраться до нее можно было по тропе, выходящей по крутому лесистому склону. В выходные, уже с ранней весны, сюда приезжали семьи с детьми: на пикник или просто на прогулку. Но по будням здесь всегда было безлюдно.

В то утро Чистильщик должен был пройти по тропе, чтобы заменить мусорные пакеты в урнах вдоль маршрута, а на следующей неделе приехать еще раз и их забрать. Он припарковался на площадке над озером и пошел вниз по лесной тропе. Вокруг разливались птичьи трели, слышался плеск воды, легкий ветер сбежал с гор и ворошил листья лаврового куста, разнося вокруг его пряный запах.

Как всегда, Чистильщик старательно отдавался работе. Натянув на урны новые пакеты, он немного замешкался у подъема, оглядывая панораму. Горные вершины Альп обрамляли зеркало озера. Было не слишком жарко, но Чистильщик уже вспотел и вытащил платок, чтобы протереть шею и лоб. Маленький красный обломок ногтя выпал из платка к его ногам. Он наклонился, чтобы получше его разглядеть.

Тот самый, который он нашел в отходах избранницы. Его реликвия. Он поднял обломок ногтя, сдул с него песок и замер в замешательстве. Как он оказался в кармане рабочего костюма? Впервые в жизни его железная дисциплина и самоконтроль дали сбой. Как он мог упустить такую важную деталь? Подобная ошибка была непростительна и заслуживала наказания. Он понимал, что не успокоится, пока не найдет объяснения. Но пока Чистильщик мучительно напрягался, чтобы найти ответ, он вдруг понял, что у него нет ни малейшего желания подниматься к парковке и садиться за руль. Ему и здесь хорошо.

Он хотел было выбросить ноготь, но в последнюю минуту остановился и снова завернул его в платок. Он подумал, что было бы логичнее избавиться от него в другом месте, не связанном с работой, но это было правдой лишь отчасти. Что-то все еще мешало ему расстаться с уликой. Он и сам не мог ответить, что именно. Он невольно вздрогнул. В этом малюсеньком, на первый взгляд ничтожном предмете крылась опасность. Мысль об этом его возбуждала. Не поддающиеся контролю эмоции тоже таили в себе угрозу, поэтому, чтобы прийти в себя, он положил мозолистую руку на ствол кипариса и закрыл глаза. Он представил, как дерево дышит, и его охватил неведомый ранее покой.

И тут он услышал крики.

Чистильщик открыл глаза и встревоженно огляделся. Снова стало тихо, и он подумал, что ему просто почудилось, но через несколько секунд снова услышал крик. Сердце бешено забилося. Он не понимал, что происходит, пока наконец не посмотрел на озеро.

Сквозь ветви деревьев он разглядел на поверхности воды чье-то тело.

Утопающий находился метрах в десяти от берега. С такого расстояния добраться до пляжа ничего не стоило; вода была спокойной, поэтому держаться на плаву тоже было несложно. Тогда Чистильщик понял, что тело невезучего незнакомца подхватило водоворотом, о которых нередко рассказывали местные. Водоворот тянет ко дну, и вырваться невозможно. Чистильщик поймал себя на мысли, что не хочет присутствовать при этой сцене. Такая бессмысленная смерть его ужасала. И потому казалась особенно жуткой. И в то же время он не мог отвести взгляда от утопающего.

Не мог игнорировать происходящее.

Он раздвинул ветви, чтобы получше разглядеть этого человека. Тело погружалось в воду и вновь всплывало на поверхность в отчаянных попытках схватить воздух ртом. На секунду Чистильщику удалось разглядеть лицо несчастного. Это был мальчик. Но не просто мальчик.

Полный, нескладный мальчик в сдутых оранжевых нарукавниках.

Не раздумывая ни секунды, Чистильщик бросился вниз, скидывая на ходу тяжелые рабочие ботинки. Очки тоже остались на галечном пляже. Он вошел в темную и холодную воду, с трудом продвигаясь вперед сквозь плотную жидкость, которая, казалось, не хотела его пропускать. Как будто озеро требовало крови, человеческой жертвы за то, что ему удалось выбраться из гнилой воды, из заполненного мусором бассейна много лет назад. Кто-то хотел вернуть себе старый долг.

Но Чистильщик этого не допустит.

Зайдя в воду по пояс, он бросился вперед вплавь, пустив в ход все навыки, полученные во время единственного урока, преподанного ему матерью вопреки ее желанию.

Нужно плыть.

Он делал большие гребки руками и энергично толкался ногами, стараясь держать темп, чтобы не растратить силы.

«Смотри, Вера, как у меня здорово получается!»

И греб, греб вперед, туда, где барахтался ребенок.

Через несколько метров он почувствовал холод, точно кто-то потянул его вниз. Подземный ключ казался щупальцем гигантского спрута. Чистильщик замедлил ход, но не сдался и быстро высвободил ногу. Меж тем малыш уже едва держался: он больше не мог кричать и беспорядочно бил руками по воде, как марионетка с отрезанными ниточками. Чистильщик хотел было крикнуть ему, что он уже рядом, что нужно потерпеть.

Но малыш вдруг замер и камнем пошел ко дну.

Тогда Чистильщик глубоко вдохнул и тоже нырнул, мысленно моля о том, чтобы ему хватило дыхания. Он вытянул руку вперед, продираясь сквозь зеленые водоросли, не понимая, куда плыть. И вдруг что-то нащупал и инстинктивно схватил, потянул к себе.

Это была рука – точнее, предплечье.

Он держал мальчика не очень крепко, но времени на вторую попытку не было; он поднял голову, и в ту секунду, когда свет погас и тьма готова была сомкнуться над его головой, изо всех сил толкнулся вверх.

Он оказался на поверхности с безжизненной ношей. Жив мальчик или нет, Чистильщик не знал, – оставалось только тащить тело к пляжу.

Время тянулось бесконечно, пока наконец он не почувствовал под ногами каменистое дно. Он шел, таща за собой безвольное тело, даже не оборачиваясь, чтобы посмотреть на мальчика или проверить, что с ним. Он понял, что рука как-то неестественно выгнулась, – возможно, он вывихнул утопающему плечо. Но он не мог остановиться и оглянуться. Пока что не мог.

Добравшись до пляжа, он упал на четвереньки, пытаясь отдышаться. И только потом обернулся.

Не мальчик, а девочка.

Она лежала лицом вниз, но длинные темные волосы и хрупкое тело не вызывали сомнений в том, что это девочка. Чистильщик не задавался вопросом, почему она оказалась в воде одетой: в черных джинсах, кроссовках и с ярким рюкзаком за плечами. Ясное дело, что она не купаться пришла.

Девочка вяло пошевелилась. Она была жива. Она пыталась вдохнуть.

Непонятно, как он принял ее за пятилетнего ребенка. Однако думать об этом было некогда; Чистильщик перевернул девочку на спину, чтоб она не задохнулась. И, заглянув ей в лицо, отпрянул. Черты ее лица были тонкие и нежные. Растекшийся карандаш вокруг глаз, сережки в ушах, фиолетовая прядь, прилипшая ко лбу.

На вид ей было лет двенадцать, самое большее тринадцать.

Глаза девочки закатились, изо рта и носа шла белая пена. Чистильщик неподвижно глядел на нее, не решаясь пошевелиться.

Девочка не дышала. Жить ей оставалось недолго.

«К чему тогда столько усилий, если она умрет здесь, на пляже», – думал он. Что-то внутри отказывалось это принять. Он набрался смелости и сел на нее сверху, затем положил обе руки на грудь девочки и надавил. Сильнее, еще и еще.

Он не знал, нужно ли это делать. Он чувствовал под руками хрупкие, похожие на птичьи, косточки. Грудная клетка поднималась и с глухим хрипом опять опускалась. Он снова и снова нажимал ей на грудь, пока наконец изо рта девочки не выплеснулся фонтанчик, а вслед за ним не раздался короткий гортанный звук. Чистильщик замер в нерешительности, но понял, что его тактика сработала, и снова принялся за дело.

Вскоре девочка закашлялась и начала плевать желтоватой жидкостью. Когда дыхание восстановилось, ее резко затрясло, как сломанную куклу. Чистильщик понял, что это судороги. Он вспомнил страшный день из своего детства, когда его в таком же состоянии забрала «скорая помощь». Поэтому он достал из кармана носовой платок и положил его девочке в рот, чтоб она не прикусила язык. Когда Чистильщик понял, что ей стало легче, он попытался встать, но едва не упал. Он не мог, никак не мог уйти. Он застыл на месте, каштаново-рыжий парик сбился вперед. И вдруг она успокоилась и в тот же миг открыла глаза. Огромные, глубокие и грустные карие глаза.

И он понял, что она его увидела.

«Но я же невидимка, – подумал он. – Ты не можешь меня увидеть». Она лежала неподвижно, и он поймал себя на том, что дрожит. Все остальное произошло быстро. Издали послышались голоса, по пляжу к ним направлялись какие-то люди.

Кто-то увидел происходящее, и теперь они шли сюда.

И прежде чем разглядеть, кто они, он принял решение. Нельзя оставаться на пляже. И хотя он не сделал ничего плохого, он не знал, как объяснить подобную сцену. Да и кто бы ему поверил. Опыт говорил о том, что чужакам доверять нельзя. Тогда он бросил последний взгляд на девочку с фиолетовой челкой, спрашивая себя, что таят ее бездонные глаза, неотрывно глядевшие на него.

Он хотел было забрать платок, но она не ослабляла хватку.

Счет шел на секунды. Он быстро подобрал очки и сброшенные впопыхах ботинки и босиком взбежал вверх по тропе, стараясь затеряться среди деревьев. Оказавшись на площадке, где был припаркован фургон, он услышал голоса сбежавшихся людей. Он понадеялся, что они будут слишком заняты девочкой и никто не станет его преследовать. Но обернуться побоялся.

Добравшись до машины, он вскочил в кабину, тут же завел мотор и рванул вперед. Только тогда он мельком посмотрел в зеркало заднего вида, но увидел позади лишь пустую дорогу.

19 сентября

Запах развеял сон. Мальчик уже знал этот запах, вот только не помнил откуда.

Мальчик попробовал открыть глаза, но веки оказались невероятно тяжелыми. Поэтому он все никак не мог понять, спит он или все-таки уже нет. Ему казалось, что он снова проваливается в сон, в животе что-то урчало, а потом голова выныривала на поверхность, опять и опять – вверх-вниз, как будто на американских горках, но вокруг темнота. Ни капли не весело.

Голова болела. Как будто ее сжали железным обручем от уха до уха.

А запах становился все ближе, пронизывал все вокруг. Запах дезинфицирующего средства, запах больницы. Да. «Я опять в больнице, – подумал он. – Точно».

– Как ты не понимаешь, так больше не может продолжаться, – кричал кто-то. – На этот раз повезло, а что потом? Мы едва успели.

Это голос Мартины из службы опеки. С кем она говорит?

– Но я... я... – всхлипывал кто-то.

– Что «я»? Это твоя ответственность, Вера. Ты мать, ты должна о нем заботиться.

Они в его палате. Голоса становятся тише, наверное, чтобы не разбудить его, а может, они думают, что он ничего не слышит. Он может представить их обеих и с закрытыми глазами. Вера в короткой юбке, на высоких каблуках, она ужасно хочет закурить и потому обкусывает кутикулу. У нее длинные накрашенные ногти. Волосы Мартины собраны в хвост, она смотрит на Веру снизу вверх, на ней кеды, и поэтому она ниже, и хотя она сильно моложе Веры, говорит с ней так, словно его мать – нашкодившая девчонка.

– Я не знала, что все так плохо, – оправдывается, всхлипывая, Вера.

– А что ты думала, у него две дырки в черепе!

«Два разряда молнии...»

Мальчик запомнил этот голос, этот смех, долетевший до подвала, и запах крови. Его крови.

– Он никогда его не обижал, говорил, что он ему как сын. Даже в зоопарк водил.

– Вера, ну как ты можешь быть такой наивной? Или ты просто тупая?

Он никогда еще не слышал, чтобы Мартина ругалась. Обычно она такая милая и всегда улыбается.

– Откуда мне было знать? Я пришла домой, он спал у себя в комнате. Он перебинтовал мальчишке голову, а мне сказал, что тот упал с лестницы.

– Он не спал, Вера. Он был в коме.

Вера расплакалась.

«Видишь, что ты натворил? Ты сам во всем виноват».

«Но я не падал с лестницы», – хотел возразить он.

– Нет, я не верю.

Настроение Веры всегда менялось внезапно. Теперь она строила из себя обиженную.

– Во что ты не веришь?

– Микки не мог! Уж я его знаю, он на такое не способен.

– Почему ты его защищаешь? Да он чуть не убил твоего сына!

– Он нас любит!

– Мне дела нет до того, с кем ты спишь, – резко сказала Мартина. – Но если твой сожитель от скуки решил проверить, насколько крепкий череп у твоего шестилетнего сына, ты как минимум должна на него заявить.

«Иди сюда, дружок, мы с тобой немного поиграем...»

Люк в полу открывается. Он зеленый, а ход ведет в подвал. Спуск в подвал находится на кухне. Они держатся за руки, ступенька, еще ступенька... Мальчик покорно спускается вниз: если тебя любят, бояться нечего, никто не сделает тебе больно.

– Ну да, Микки, когда выпьет, немного теряет голову. Но он не злой. И потом, когда он приходит в себя, ему так жаль! Мы как-то поссорились, и он мне нос сломал, так сам потом больше меня плакал. Всю ночь пришлось успокаивать.

– Не знаю, что мне с тобой делать, Вера. Ну правда, – по голосу слышно, что Мартина устала. – Микки разыскивает полиция. Если он даст о себе знать, ты должна на него заявить. Ясно?

– Ладно, ладно, – бурчит Вера.

– И займись уже своим сыном. Купи ему нормальные вещи, из этих он вырос. Проверь, чтобы он ел как следует, он выглядит младше своего возраста.

– Может, ты подыщешь ему другую семью, – предлагает мать примирительным тоном. – Так было бы лучше для всех. Для него в первую очередь.

– Ты сама знаешь, чем это кончилось в прошлый раз.

– Ну можно же еще раз попробовать, – просит Вера, как ребенок, когда уговаривает родителя купить очередную игрушку.

Но Мартина твердо стоит на своем:

– Никто не возьмет твоего сына, Вера. Как только узнают о его прошлом, откажутся. А теперь, после такой травмы, станет только хуже, ты сама понимаешь.

«Как только узнают о моем прошлом, – думает мальчик, погружаясь в забытие. – Каком еще прошлом?»

6

Он вошел в квартиру и быстро закрыл за собой дверь.

Внутри было тихо, слышалось лишь его учащенное дыхание. Он сразу рванул домой, не позаботившись о том, чтобы вернуть рабочий фургон на стоянку и даже не переодевшись. Форма все еще была мокрой, на полу образовались небольшие лужицы. Сбившийся парик выглядел как намокшая тряпка, на лицо стекала вода.

«Что я наделал? – подумал он, злобно сорвав парик с головы. – *Что же я наделал?*»

В его памяти постоянно возникал образ распластанного на мокрых камнях тела; он видел широко раскрытые глаза девочки с фиолетовой челкой, смотревшие прямо на него. Он не мог избавиться от ощущения, будто она видит его прямо сейчас. Она знала, кто он, знала, где он живет, хотя он никогда никого не приводил к себе домой. Но что самое ужасное, она видела его истинную суть.

«Я невидимка», – твердил он. И все же он еще никогда не чувствовал себя таким уязвимым.

Обычно это Микки решал, когда придет время снять маску. И когда они всё понимали, времени на осознание уже не оставалось: этот миг был очень краток, мысль вспыхивала во взгляде за секунду до того, как потухал огонек жизни.

Теперь же все было кончено. Появился свидетель.

Если бы она утонула, ничего этого бы не случилось. Он решил вмешаться в ход событий и теперь чувствовал, как внутри расплзается какое-то позабытое чувство.

Страх.

Он давно избавился от страха, поклявшись самому себе, что у него все будет под контролем, включая и этот непристойный, низменный инстинкт. Но теперь его сердце билось в бешеном ритме, как бьются сердца самых обычных трусов.

– Нет, – раздался чей-то голос и снова решительно повторил: – Нет, этому не бывать.

Чистильщик направился к закрытой комнате. Там, за дверью, слышался голос Микки. И как по приказу, сердце Чистильщика стало биться ровней и спокойней.

– Помнишь, чему я тебя научил тогда в подвале?

Он помнил. Помнил блеклый свет из маленького окошка. Запах скипидара. Коробки с гвоздями, шурупами, гайками. Верстак с аккуратно разложенными инструментами. И огромные железные челюсти, распахнутые над ним.

– Тогда повтори...

Чистильщик невольно потянулся руками к голове, словно старые шрамы напомнили ему пережитую боль и заныли.

– Никогда не плачь и не кричи, – твердо сказал он.

Он почувствовал невыносимую боль, слишком сильную для его маленького тела. И запомнил глядевшее на него лицо с сигаретой в уголке рта.

«*Это ради твоего же блага, сынок. Ради твоего же блага.*»

– Чему еще я тебя научил? – спросил Микки.

– Что бояться нет смысла, что страх меня не спасет.

– Хорошо, – ответил наставник. – А что полагается тому, кто позволил страху овладеть собой?

Чистильщик помедлил с ответом.

– Наказание.

Он знал, что нужно делать. Он вернулся в маленькую комнатку и направился к кухне. Открыв ящик для посуды, он достал большой острый нож и обхватил его левой рукой.

А затем сильно сжал лезвие в ладони.

Боль отогнала прочь страх, вернув прежнюю ясность чувств. Он разжал ладонь и бросил нож в раковину, после чего обернул руку кухонным полотенцем, сразу окрасившимся кровью.

– Молодец, мой мальчик, – слышался голос Микки; и тут же растворился за зеленой дверью.

7

Все утро и большую часть дня он просидел на диване, глядя в пустоту. Надо было придумать вескую причину, почему он не вернул фургон, – может, проколоть шину или поцарапать дверцу, вроде как попал в аварию, – но сейчас все это казалось далеким и не важным, и он медлил и откладывал решение проблемы.

Он чувствовал только, что форма, согретая его теплом, понемногу высыхает, и больше ничего.

В комнате стемнело. Он резко поднялся на ноги, будто внутри сработал какой-то выключатель. Полотенце, которым он обернул руку, пропиталось кровью, но рана уже не кровоточила, и недавняя боль сменилась колючей щекоткой.

Он пошел в ванную комнату.

Там он зашил рану простой иглой и специальной хирургической ниткой, затем наложил повязку. Потом направился на кухню, растворил в кастрюле бульонный кубик, насыпал немного вермишели, сел за стол. На нем были только трусы и носки. Автоматически зачерпывая ложкой жидкую массу, он напряженно думал. Кожа немного покраснела. Но, несмотря на долгий горячий душ, он все еще чувствовал холодную воду озера, словно она пропитала его тело до самых костей. Это было терпимо, но неприятно. Покончив с ужином, он сполоснул тарелку и ложку и положил их на место, в сушилку. Как всегда, разложил диван-кровать и подготовил чистые простыни. Затем выключил свет и улегся на спину.

Закрыв глаза и попытался уснуть.

Невольно вслушиваясь в тишину, он надеялся уловить привычный звук, помогавший ему расслабиться, – гудение бака для воды, установленного на крыше. Накопитель свистел, как кит, или постанывал, и эти звуки долетали до него через вентиляционные отверстия.

Наверное, система с годами поломалась, как и многие другие коммуникации этого дома, брошенного на произвол судьбы. Но мысль о том, что над ним зависла неподвижная водная масса и их разделяют всего несколько сантиметров, не пугала, а, скорее, придавала уверенности в себе.

Словно у него над головой был целый бассейн.

Но в этот вечер цистерна не издавала ни звука, словно предупреждая о чем-то.

По плану отличный день обычно заканчивался крепким сном. Он падал на подушку и просыпался лишь спустя несколько часов, хорошо отдохнувшим. То была особая награда за поиски и кропотливую работу последних недель, которую он проделал перед тем, как заявиться в «Блу». Но утренний эпизод поставил с ног на голову все, включая заслуженный отдых.казалось, что прошлая жизнь осталась теперь далеко позади. А главное, отношения с Микки тоже утратили прежнюю гармонию. Кроме того, внутри затаилось какое-то новое, незнакомое чувство, для которого у него не было слов.

Мысли так и копошились в голове, и он никак не мог их отогнать. Он открыл глаза.

Отмахиваться от реальности и дальше казалось невозможным. Весь день пошел наперекосяк, ничего не помогало. Делать вид, что ничего не произошло, не получалось. Ему нужно было узнать что-нибудь о девочке с фиолетовой челкой. Не важно, кто она и почему оказалась в озере, главный вопрос был в другом.

Выжила ли она?

Он бросил ее на пляже и бежал. Он видел, как к ней приближались люди, но не знал, что было дальше.

– Ну же, давай, скажи! – раздался из-за зеленой двери подбадривающий голос Микки.

– Если она выжила, она меня запомнила, – прошелестел он дрожащим голосом. – Если же она умерла, меня станут искать.

Впервые за долгое время его судьба вдруг переплелась с судьбой другого существа. Он понимал, что не может просто сидеть и ждать, – нужно что-то делать.

– Ты знаешь, что нужно делать...

– Нет, не знаю, – попробовал отмахнуться Чистильщик, хотя это было неправдой. Он все прекрасно знал.

– У тебя мало времени. Скоро они будут здесь.

Сама эта мысль пугала его до смерти. Но Микки прав, решение только одно.

Он отбросил одеяло и встал с кровати.

8

Он вышел из дома в двадцать три часа, одетый в черное, в черной же бейсболке, надвинутой козырьком как можно ниже, чтобы не было видно лица и бритой головы.

Девочку следовало найти.

Поскольку интернета у него не было, он мог узнать о ней только из местных газет. Поэтому он пока не знал, в какую больницу ее увезли. Единственным вариантом оставалось проверить их все, одну за другой. Он уже побывал в «Менаджо» (ближайшей к озеру больнице) и в «Вальдуче». Пока безрезультатно. Около часу ночи он сел в пустой автобус, который шел к больнице Святой Анны. Остановка была прямо у входа, но он вышел на следующей и прошел обратно пешком.

У входа в больницу стоял фургончик съемочной группы новостного канала. Они ждали. Должно быть, здесь что-то произошло. Присутствие репортеров вызывало беспокойство, но в то же время указывало, что он попал на след.

Он решил не идти через центральный вход, поэтому, обойдя здание, отыскал запасной выход, куда подъезжали мусоровозы для сбора медицинских отходов. Показал охраннику, сидевшему в кабине, карточку мусорной компании, тот больше ничего не спросил, и Чистильщик прошел через турникет и оказался внутри.

Ему уже приходилось бывать здесь ночью. Иной раз случалась ночная смена в этом районе, в других случаях нужно было кое-чем обзавестись. Например, той самой ниткой, которой он сегодня зашивал руку. Он сразу направился к раздевалке для персонала. Здание казалось совершенно пустым. Выбрав первый попавшийся шкафчик, он достал из кармана отвертку и вскрыл замок. Внутри была голубая форма санитаря. Он скинул одежду и натянул эту форму, нацепил бахилы и прозрачную шапочку, аккуратно натянув ее на уши, чтобы скрыть шрамы. Затем закрыл дверцу, зашел в подсобку, выкатил оттуда оборудование для уборки и направился к грузовому лифту.

Расчет был на то, что ночью в больнице почти никого не будет, и оказался верным. Однако у Чистильщика было мало времени.

Он приступил к поискам в отделении интенсивной терапии и в реанимации. Здесь все пахло стерилизующим раствором, немногочисленные медсестры были в масках. Он тоже надел маску, чтобы никто не увидел его лица.

Затем он включил полумоечную машину. Щетки басовито зашелестели, этот звук мгновенно смешался со звуком респираторов и легким попискиванием кардиомониторов.

Таким образом ему удалось пройти по коридору и заглянуть в палаты. В каждой было по четверо пациентов, в основном пожилые мужчины. Казалось, что они вот-вот улетят прочь, как воздушные шарик. Если хорошо присмотреться, можно было разглядеть тонкую ниточку, связывающую каждого из них с этим миром.

Самой юной пациентке этого вместилища духов была отведена отдельная палата в конце коридора. В палате сидела заспанная медсестра, фиксировавшая в карточке данные с монитора. Закончив, она повесила папку рядом с кроватью и вышла из палаты, не обратив внимания на Чистильщика. Он подождал, когда она скроется за дверью, нажал на паузу, но не стал выключать машину, чтобы не нарушать установившуюся гармонию звуков.

Потом он зашел в палату.

Казалось, девочка с фиолетовой челкой мирно спит. Наверное, ее чем-то накачали. На лице у нее была кислородная маска. К руке тянулся проводок, подключенный к монитору, который был готов подать сигнал, когда пациентка придет в себя. Но пока что компьютер выдавал лишь равномерное попискивание, так что Чистильщик мог спокойно подойти к кровати.

Темные волосы девочки были разбросаны по подушке, голова приподнята. На ней была легкая ночная рубашка. Худые руки вытянулись вдоль тела. К левой руке подсоединены две капельницы. Мягкая линия шеи опускалась к плечам, грудь перебинтована: повязка охватывала и ключицу, которую он вывихнул ей, вытаскивая из озера. Наверняка он еще и сломал ей несколько ребер, когда остервенело давил на грудную клетку, пытаясь исторгнуть воду из легких. Одна нога в районе лодыжки была зафиксирована в ортезе.

Подойдя ближе, он присмотрелся. На бледной коже девушки то там, то тут виднелись синяки – свидетельство отчаянной борьбы со смертью. Он внимательно вгляделся в ее лицо и понял, что даже не помнил, как она выглядит. Он спрашивал себя, откуда в нем зародилось это необъяснимое, инстинктивное желание спасти ее. Дело было не только в том, что он принял ее за маленького мальчика, за самого себя в детстве. Поняв, что ошибся, он легко мог предоставить ее судьбе и не пытаться откатать. Все было так странно, необъяснимо. Он всегда старался держаться особняком, ограничить любые контакты с людьми. Чем же эта девочка отличалась от прочих? В ней не было ничего особенного. Он понимал, что подобные мысли опасны. Микки не должен знать, что его гложут подобные сомнения.

Кто-то оставил на тележке для еды фотографию. Он даже понял зачем. Если девочка откроет глаза, она сразу увидит эту умиротворяющую картинку: мужчина около сорока, женщина чуть помоложе и она сама посередине. Очевидно, с родителями. Все красивые, загорелые, улыбающиеся. Станный способ запечатлеть воспоминание о счастье. Чистильщик каждый раз думал об этом, если ему попадалась семейная фотография. Неужели эти люди думали, что снимок может передать их чувства? Его самого никогда не снимали на камеру. И даже с фотографии в паспорте и на рабочем удостоверении на него смотрел какой-то едва похожий на него незнакомец.

Он заметил на стуле прозрачные пакеты с личными вещами. С удивлением он разглядел свой платок, который засунул в рот девочке, когда у нее начались судороги. И только сейчас вспомнил об обломке ногтя.

Его реликвии.

Он вытащил платок и развернул, но в нем было пусто. В голове пронеслись возможные последствия подобной ошибки. Кусочек ногтя мог оказаться на пляже, а мог и выскользнуть, пока он, Чистильщик, находился в воде. Искать бессмысленно – что иголку в стоге сена. Вся эта история доставила ему уже слишком много хлопот, заключил он, убирая платок в карман. Пора поставить точку.

Он осмотрелся в поисках тележки с лекарствами и дефибриллятора. Затем двинулся к столу, понимая, что в ящиках найдет все необходимое. Одноразовые перчатки. Одноразовый шприц. Ампулу инсулина.

Поглядывая на дверь, он зарядил в шприц смертельную дозу. Никто не заметит крохотную красную точку меж пальцев ноги. Всего несколько секунд, и от их связи не останется и следа. Оба навсегда освободятся.

Он вновь подошел к кровати. Мысленно рассчитав, что у него будет примерно минута до того, как кардиомонитор издаст тревожный звук, он сосредоточился, чтобы довести задуманное до логического конца. Держа шприц иглой вверх, он откинул простыню, приоткрыв свободную от ортеза ногу.

Наклонившись, он застыл с приподнятой рукой. На внутренней части икры среди царапин виднелась небольшая бледная надпись.

Последовательность чисел, написанная ручкой.

Чистильщик удивленно отпрянул, простыня упала на место. По телу прошла дрожь. Внутри него пробудились чувства, над которыми он был не властен.

В этот самый миг он понял, что не сможет завершить начатое.

9

В шесть утра привокзальное кафе понемногу наполнялось посетителями.

Чистильщик стоял в отдалении у одного из столиков в самом углу, перед ним была оставленная кем-то грязная чашка. Засунув руки в карманы серой куртки и надвинув на глаза кепку, он всматривался в посетителей, сменявшихся у барной стойки. Провинциалы, ехавшие на работу, были без багажа, они быстро впихивали в себя завтрак перед тем, как отправиться в офис. Те же, у кого были чемоданы, устраивались поудобнее, попивали кофе и поглядывали на часы, готовясь двинуться к нужной платформе. Чистильщик спрашивал себя, откуда все эти люди и куда они едут. Вернутся ли они еще или оказались здесь, чтобы исчезнуть навсегда. Где они живут, с кем расстались, ждет ли их кто-то там, далеко.

Так, размышляя о жизни, он то и дело поглядывал в экран на стене, где мелькали кадры последних новостей. Он уже выучил наизусть повторяющийся не первый раз порядок роликов и знал, что после международной хроники на экране появятся мужчина и женщина с фотографии, которую он видел в палате.

Под вспышки камер, окруженный микрофонами, отец девочки с фиолетовой челкой делал заявление на пороге больницы Святой Анны. Его голос то и дело перебивали объявления о прибывающих и отправляющихся поездах.

– Мне бы хотелось посмотреть в глаза человеку, рискнувшему жизнью, чтобы спасти мою дочь, – говорил он, приобняв за плечи красивую жену, слишком потрясенную, чтобы говорить на камеру. – Не знаю, почему он решил остаться неизвестным, но я уважаю это решение, хотя как отец я бы хотел пожать ему руку.

Чистильщик переслушивал эти слова снова и снова, но каждый раз ему слышался в них какой-то подтекст. Он понимал, что не отличается особой сообразительностью, но все же мог предвидеть возможные последствия.

«Не знаю, почему он решил остаться неизвестным...»

Уже эта фраза бросала на него какую-то тень. Кто-то задавался вопросом, что же такое скрывает добрый самаритянин, раз решил не афишировать свое геройство.

«Они придут за мной, будут искать», – думал он. Сомнений почти не осталось. Микки был прав, *они* придут. И потому он снова и снова винил себя в том, что не смог избавиться от девочки. А новой возможности уже не выпадет. Микки будет очень недоволен.

– Наша девочка скоро поправится, – говорил мужчина журналистам.

От него исходило ощущение силы, уверенности, власти. Чистильщик не знал, почему журналисты заинтересовались этой историей, кто отец девочки. Но по всей видимости, он был какой-то шишкой, раз трагедия этой семьи заинтересовала телевидение. Уже этот факт заставлял беспокоиться. Люди не уймутся, им захочется подробностей, расследования. Судя по тому, как смотрели на экран посетители бара, об этой новости будут говорить еще долго.

Было и еще одно обстоятельство, из-за которого журналисты не остановились бы на достигнутом. Когда мужчина отвечал на вопрос репортера о том, как все произошло, по его лицу пробежала какая-то тень. Чистильщик сразу ее заметил, распознав скрывавшийся за нею страх.

– Моя дочь поскользнулась и упала в озеро, когда фотографировалась. Она сломала лодыжку. Она едва не поплатилась жизнью за какой-то снимок, но вы же знаете подростков – все они думают, что бессмертны, – заметил он с деланой улыбкой. – Наверное, хотела сделать селфи.

Было видно, что мужчина лгал и пытался это скрыть. Неуверенность в собственных словах выдавали глаза. Он хотел защитить дочь, но правда была другой, и она его пугала.

Чистильщик уже разгадал его тайну.

«Как комично», – подумал он. Этот мужчина знать не знает, что какой-то незнакомец, сидящий за столиком привокзального кафе, прекрасно понимает те сомнения, которые сейчас его гложут. Он понятия не имеет, что некто, ни капли не похожий на него ни образом жизни, ни положением, не имеющий ничего общего с людьми, которые обычно его окружают, не разделяющий ни его представлений о жизни, ни его идеалов, мог знать что-то такое, что касалось его семьи. Такое, что в один миг могло уничтожить его хрупкую, идеальную жизнь.

Он знал ответ.

Ему просто нужно было проверить свою догадку. Но это бы связало их еще больше, это стало бы следующим шагом к свету. А он был совсем не уверен, что готов покинуть царство теней. Вот почему он уже битый час сидел на вокзале.

Нужно было что-то решать. Например, сесть на первый попавшийся поезд и исчезнуть навсегда.

Ему уже не раз приходилось так делать, оставляя за спиной все накопленное за годы. Дом, немногочисленные предметы обихода, одежду в шкафу... Ничего другого он не нажил. Никто бы его не хватился.

Не боялся он и за комнату с зеленой дверью.

Конечно, поначалу она вызовет много вопросов, но, осознав, что не в состоянии понять, они бросят об этом думать.

Наверное, ему тоже следует перестать думать о девочке с фиолетовой челкой, надеясь, что и она о нем не вспомнит. Переехать в другой город, найти новую квартиру. Покрасить дверь в зеленый и спрятать за ней свою тайну. *Вернуть все на свое место.* В конце концов, он уже десять лет прожил в Комо. Он еще никогда нигде не задерживался так долго. Наверное, уже хватит.

Приняв решение, он поднялся со стула. В руках немного покалывало, они затекли от долгого сидения в одной позе или же из-за того, что плечи были слишком напряжены. Опустив голову вниз, чтобы оставаться незамеченным, он вышел из кафе и направился по переходу к платформам.

Мимо шли люди, некоторые задевали его при ходьбе. Никто не знал, что это за человек шагает рядом с ними. Он был лишь незаметным пятнышком, готовым вот-вот исчезнуть из их поля зрения. Иной раз он спрашивал себя, что бы случилось, если бы чей-то взгляд задержался на нем хоть ненадолго. В тех редких случаях, когда Чистильщик вливался в толпу, он это делал затем, чтобы почувствовать свою силу, силу человека-невидимки.

Но сейчас все было по-другому.

На самом деле он задержался на вокзале потому, что там еще были телефонные кабинки. Его поездка в Комо затевалась ради звонка, который он собирался сделать.

Он поднял трубку и кинул в щель несколько монет. После чего набрал те самые цифры, которые увидел в больнице на ноге девочки с фиолетовой челкой.

В трубке раздались гудки. После бесконечно долгого ожидания мужской голос ответил:

– Слушаю...

Чистильщик молчал. Он ждал.

– Алло... Вы меня слышите? – раздраженно вопрошал голос на том конце провода.

Он знает, что это я, он слышит мое дыхание.

– Да кто это?

Чистильщик бросил трубку. Несколько фраз было достаточно, чтобы узнать этот голос. *Так ты хотел со мной познакомиться? Ну вот, теперь мы знакомы.*

22 октября

– Они ведь отрастут, правда?

Мартина отвлеклась – она собирала вещи и не услышала вопрос.

– Что?

Мальчик прижал нос к стеклу, но не мог разглядеть, кто входит и выходит из больницы. Взгляд застыл на отражении, из стекла на него смотрело грустное мальчишеское лицо.

– Волосы, – уточнил он, глядя в стекло. – Они отрастут?

Мартина застыла на месте, положила сумку на пол и подошла к нему.

– Ну конечно, – успокоила она, поглаживая его по голове, через кожу которой клочками пробивались короткие волосы.

– А шрамы? Они исчезнут?

– Боюсь, что нет. – Мартина всегда говорила ему только правду, поэтому он ее и любил. – Но когда волосы отрастут, шрамов уже не будет видно.

Обнадеженный этим обещанием, мальчик успокоился.

– А я тебе кое-что купила. – Мартина вернулась к сумке и достала кепку, которую надела ему на голову. – Ты теперь крутой! – заверила она.

Мальчик снова посмотрел на свое отражение. Оно не слишком ему понравилось, но расстраивать Мартину не хотелось. Сегодня важный день. Мартина счастлива, что после месяца в больнице он наконец-то выписывается. Но сам он был не особо этому рад.

– Ты веришь в рай?

– Иногда верю. А что? – спросила Мартина.

– Если, например, ты умрешь и никто не знает, как тебя зовут, что тогда напишут на твоей могиле?

– Это что еще за разговоры? Что ты такое выдумал?

Но мальчик не унимался:

– Как же Господь узнает меня и призовет в рай, если на моей могиле ничего не написано?

– Господь узнает тебя, он знает, кто ты, – уверила Мартина.

– Когда меня сюда привезли, никто не знал, как меня зовут...

Все вокруг кричали, даже в машине, он бился в судорогах, поэтому врачам пришлось записать ему в рот платок, чтобы он не откусил себе язык. Но с платком во рту он не мог сказать им, как его зовут. И поэтому никто не называл его по имени. Он был совсем один.

– Теперь уже все прошло, – успокоила, не переча ему, Мартина.

Наверное, он должен был радоваться, что выписывается из больницы, – запах средств для дезинфекции ему уже сильно надоел. Но в то же время ему было грустно.

– Мне точно нужно возвращаться домой?

– Я нашла вам отличную квартиру, большую. У тебя даже будет своя комната.

– Но Вера не хочет, чтобы я жил с ней. Я слышал, как вы говорили. Вы думали, я сплю, а я не спал.

Вы думали, я уже умер, а я не умер.

– Твоя мама может наговорить что угодно, ты же знаешь. Но теперь у нее есть работа, и она сможет позаботиться о тебе. Все будет хорошо.

– А как же Микки?

Вопрос застал Мартину врасплох. В воздухе повисло напряжение: так камень, брошенный в воду, исчезает в глубине, но на поверхности остаются круги.

– Вера обещала, что больше не будет с ним видаться, – торжественно заверила Мартина.

– Я ей не верю.

– Его разыскивают, не думаю, что он объявится.

– Они никогда его не найдут.

От этой мысли у него на глаза навернулись слезы.

– Не бойся. Микки больше не навредит тебе.

Мартина не понимает, но Микки был не из тех, кто обычно связывался с Верой.

– Если я останусь с Верой, он вернется!

– Нет, не вернется, – заверила его MARTINA.

– Клянешься?

Мартина задумалась. Мальчик сразу это заметил.

– Поклянись!

Такое простое слово, от которого взрослые сразу впадают в ступор.

Шестилетний мальчик уже понял, что к чему. Если хочешь, чтобы взрослый сказал правду, нужно, чтобы он поклялся. Но срабатывает не всегда. С Верой, например, этот метод не работает. Но MARTINA не такая. Она не умеет врать, ей сложно это делать.

Она села на кровать и кивнула на место рядом с собой. Мальчик послушно вскарабкался и устроился подле нее.

– Давай-ка мы с тобой кое-что сделаем.

Она подняла его ногу, закатала штанину и приспустила носок. Пока мальчик задавался вопросом, что же она задумала, MARTINA уже достала ручку, стянула зубами колпачок и принялась что-то писать у него на ноге. Ручка приятно щекотала ногу.

– Это мой номер, – сказала MARTINA, надевая колпачок обратно. – Постарайся никогда его не смывать. Я буду приходить к тебе каждую неделю, посмотрим, как будет вести себя Вера. А если сотрется, напишем заново.

– Но зачем мне твой номер? – спросил он, пусть и с чувством некоторого облегчения.

– Это наша маленькая тайна. Если с тобой что-то случится, ты сможешь мне позвонить или найдешь человека, который мне позвонит. И я тут же приеду.

– А если я умру?

От этого вопроса MARTINA похолодела. Тогда мальчик ответил за нее:

– Ну ладно, если я умру, ты хотя бы скажешь, как меня звали.

10

Идите в супермаркет и положите стеклянную банку маринованных овощей в морозильник с полуфабрикатами.

Она повторяла это в каждой школе, в каждом социальном центре, девочкам и женщинам. Нужно было донести до них важность такой простой истины. Никто не знал, понадобится ли это когда-нибудь, хорошо, если нет. И все-таки было важно, чтобы все об этом знали. И знали, что мужчинам ничего говорить нельзя. Что это женская тайна.

Стеклянная банка маринованных овощей в холодильнике супермаркета – это особый знак.

Когда работник супермаркета занимался раскладкой продуктов и вдруг обнаруживал банку с закатками в холодильнике, он должен был немедленно сообщить об этом менеджеру магазина. А менеджер сообщал ей. Никто не знал, что это значит. Знала только она, придумавшая эту схему. Охотница на мух могла с уверенностью сказать, что если в супермаркете нашли в холодильнике банку овощных консервов, в городе есть женщина, которая ждет помощи. Быть может, над ней издевается муж или парень и она боится заявить в полицию, быть может, ее похитили или, не дай бог, что-нибудь еще.

Охотница на мух тут же бралась за дело, чтобы помочь несчастной. Она уже больше недели днем и ночью торчала в засаде у супермаркета на окраине города. Того самого, где в холодильнике нашли банку консервированных огурцов.

Она весь день ходила между рядами, делая вид, что рассматривает продукты, а на самом деле наблюдала за клиентами, надеясь распознать среди них ту, кто подал беззвучный сигнал. Если женщина, которая просила о помощи, вернулась бы в магазин, Охотница бы ее узнала. Разумеется, никто из этих женщин не ходил с табличкой «несчастливая жертва», и все же кое-какие приметы всегда очевидны. Например, синяки, порезы, переломы. Или кофта с высоким горлом, повязанный на шею платок (не в сезон), чересчур крупные темные очки.

Вычислив жертву насилия, Охотница пыталась установить с ней зрительный контакт. Едва ей удавалось встретиться с ней взглядом, в глазах жертвы проскальзывала надежда на спасение. В этих глазах читались смятение, отчаяние и страх.

Многие из таких женщин были под колпаком у своих тюремщиков, им не разрешалось ни звонить, ни пользоваться интернетом, – впрочем, они бы вряд ли нашли в себе силы просить о помощи. Поэтому положить банку маринованных овощей в морозильник было уже большим шагом вперед. В жизни такой женщины, когда любой поступок, вплоть до разбитой тарелки, мог повлечь за собой жестокое наказание, консервы стояли рядом с консервами, а замороженные овощи лежали рядом с замороженными овощами. Таково было одно из правил, которые не нарушались под угрозой побоев. Так что поставить банку в холодильник было уже первым сигналом бунта.

Но в этот понедельник Охотница едва не растеряла свой обычный оптимизм. Вот уже несколько дней она кружила по магазину с тележкой, сначала набивая ее продуктами, а затем расставляя их обратно на полки. Спина болела, ноги устали. Организм требовал никотина – не могла же она выходить курить каждые двадцать минут. С тех пор как она приступила к слежке, она старалась не курить, понемногу уменьшая количество сигарет. Обычно, если она резко бросала, у нее начинался сильный, мучительный кашель.

Ей было уже пятьдесят три, и состояние здоровья интересовало ее меньше всего.

Она не заботилась о себе, вообще не думала на эту тему. Психолог убеждал ее в том, что она на грани депрессии. Но за пять лет терапии ожидаемая депрессия так и не наступила. Зато наступила запоздалая менопауза, симптомы которой постоянно мучили ее, а она мечтала

только о покое. Она не боялась ни старости, ни морщин, ни лишнего веса. Когда-то она была даже миловидной, но то время прошло, и она не слишком тосковала по молодости.

Она носила короткую стрижку, так было практичней. И совсем не красилась. Что до одежды – брала только самое удобное.

Часы показывали без четверти два. Обычно после часа магазин пустел. Домохозяйки закупаются с утра и в это время уже готовят обед. Осталось только несколько одиночек да старушка, неспешно разглядывающая ценники в поисках скидок по акции. Тогда Охотница решила, что заслужила сигаретку. Но, опершись на доверху набитую тележку, чтобы снять туфлю и размять болевшую ступню, и на секунду подняв глаза, она увидела в отделе готовых завтраков девушку.

На вид ей было лет двадцать пять, не больше, модельная внешность, рэперская бейсболка, цветные леггинсы, кроссовки, в руке большая сумка «Луи Вюиттон», флисовый кардиган по колено. Девушка разглядывала коробки с хлопьями. Но внимание Охотницы привлекла не столько сама девушка, сколько парень, стоявший в паре метров от нее. Длинные светлые волосы, которые он то и дело откидывал назад, дорогие кеды, жилетка, футболка – одним словом, на вид испорченный красавчик. Классический пример того, из-за кого можно потерять голову, а потом об этом пожалеть.

Парень стоял, скрестив руки на груди и вперившись взглядом в девушку, точно держа ее на невидимом поводке. Но может быть, Охотнице так только казалось. С виду на девушке не было очевидных следов побоев. Хотя слишком свободные вещи могли что-то скрывать. Кроме подозрительного поведения парня, других странностей в этой паре не было.

И все же что-то тут было не так.

Слишком уж дорогие вещи, чтобы ходить в дешевый супермаркет. Они явно живут в центре. Это она уговорила его зайти в магазин, а он не в восторге. Стоит и думает, какого черта они тут делают, вокруг одни мигранты и домохозяйки-неудачницы. «Дома он ей покажет», – подумала Охотница.

Нужно было проверить свои догадки.

Она направилась в сторону пары, и вскоре все трое оказались рядом с холодильником. Не спросив разрешения, она протиснулась между парнем и девушкой, открыла дверцу и вытащила бутылку молока. Затем покосилась на девушку, надеясь привлечь ее внимание. Но их взгляды встретились всего на несколько секунд. Слишком мало, чтобы девушка могла подать ей знак. Тогда ей пришла в голову внезапная идея. Она открутила крышку и резко повернулась.

Молоко выплеснулось, окатив парня с головы до ног.

– Прости, ради бога, я не заметила, что крышка открыта! – воскликнула она, делая вид, что вот-вот рассмеется.

Парень отреагировал ровно так, как она и думала. Он мгновенно вскинул руку и собирався уже сжать ладонь в кулак, но в последний момент сдержался. Повисло неловкое молчание. Девушка тоже заметила его жест. Не заметить было довольно сложно.

– Ничего, все в порядке, – пробормотал красавчик, но вздувшиеся на шее вены говорили о том, как он взбешен. И весь его вид как бы говорил: «Исчезни с глаз моих, пока не поздно».

– Такое со мной уже случалось, – сказала она, не двигаясь с места. – Только в прошлый раз попалась банка с огурцами.

Услышав эти слова, девушка вздрогнула, но промолчала. Она вытащила из кармана упаковку бумажных платочков и стала вытирать лицо парня, чтобы таким образом повернуться к Охотнице спиной и дать ей спокойно уйти. Та ретировалась.

– Брось, дай сюда, я сам, – услышала она.

Цель была частично достигнута. Охотница вышла из магазина.

Вычислить на парковке нужную машину не составляло труда. Само собой, белый «порше», сильно выделявшийся на общем фоне. Охотница закурила и стала поджидать парочку. Ждать пришлось недолго.

Оказавшись на улице, парень наконец-то позволил себе выплеснуть переполнявший его гнев. Девушка шла впереди, немного потупившись.

– Найди себе другие хлопья, я в эту дыру больше не вернусь! – крикнул он.

Когда они приблизились, Охотница выбросила окурок и направилась к парню.

– Эй, парень! – крикнула она.

Блондин обернулся, не веря своим глазам:

– Чего тебе еще?

Она порылась в кармане и выудила пять евро.

– Я натворила дел. Хочу оплатить тебе химчистку.

Парень не знал, как реагировать: послать ее куда подальше или рассмеяться в лицо. Наконец он выдал натянутую улыбку.

– Не стоит, правда. – Его слова звучали как предупреждение. Они означали «не стоит со мной связываться».

Но Охотница напирала, переступая черту, которую психологи назвали бы «зоной опасности» при общении с агрессивным субъектом.

– Слушай, мне это важно.

– Да отвали ты уже, – зарычал парень.

Вместо того чтобы отступить, она шагнула вперед. Девушка стояла рядом ни жива ни мертва. Красавчик сорвался с цепи.

– Я чувствую, что виновата, – вкрадчиво сказала Охотница, пытаясь засунуть банкноту в карман его брюк.

От неожиданности парень попятился назад, но тут же спохватился, огрызнулся и, схватив Охотницу за горло, прижал ее к ближайшей машине.

– Не трогай меня, сучка ты гребаная!

Пытаясь высвободиться, Охотница одновременно покосилась на девушку, которая, будто окаменев, наблюдала за этой сценой. «Отлично, – подумала Охотница. – Теперь она поняла, что он может сделать что угодно и с кем угодно, – может, до нее дойдет, что пора делать ноги. Может, она рискнет сделать что-то посерьезнее, чем поставить банку огурцов в морозильник. Может, даже в полицию обратится».

Охотница высвободила руку и запустила ее в карман. Поначалу он ничего не заметил, но выражение его лица внезапно изменилось, а хватка резко ослабла.

Он почувствовал, что она приставила лезвие ножа к его причинному месту.

Охотница откашлялась и плюнула ему прямо в лицо комком мокроты.

– Извини, дорогуша, – сказала она хрипло. Горло горело.

Мошкара попала в сети. Теперь дело было за девчонкой.

Охотница повернулась к девушке.

– Все нормально, – спокойно сказала она. Затем протянула ей сотовый телефон.

Парень с ненавистью посмотрел на нее:

– Ты ее знаешь?

Девушка в растерянности смотрела на телефон, не понимая, чего от нее хотят.

– Нет, – робко сказала она.

– Врешь, стерва.

Охотница тут же пришла на помощь:

– Можем заявить на него.

«Давай, милая, – мысленно подбадривала она, – возьми уже этот чертов телефон и набери номер. Пора тебе избавиться от этого придурка. Достаточно одного случая, повода, даже незначительного. Просто попроси о помощи, и она придет, придет подкрепление».

Но девушка колебалась.

– Мы можем покончить с этим прямо сейчас, – сказала Охотница, раскрывая карты. И тут светлое личико девушки исказилось от гнева.

– Ты кто такая, сучка? Чего тебе от нас надо?

Услышав это «от нас», Охотница поняла, что проиграла. Девчонка была как две капли воды похожа на своего ухажера. Охотница поняла, что ее не спасти. Тяжелая созависимость и полное подчинение воли мешали девушке осознать, во что она ввязалась. Прирученный зверь готов лизать руку хозяина, стелется при первом же щелчке хлыста. Разочарованная Охотница решила дать девчонке последний шанс.

– Когда в первый раз он всего лишь влепит тебе пощечину, ты его простишь, скажешь: «Он не такой, я сама виновата», спишешь все на алкоголь, скажешь, он много выпил; на второй будешь злиться чуть дольше, но все равно подумаешь: он устал, у него стресс, и опять простишь. А он будет лупить тебя все чаще и чаще. Потом он внушит тебе, что ты сама виновата, что ты сама нарываешься, вечно выводишь мужчин из себя. Потом ему станет мало пощечин, он отлупит тебя до синяков, ногами, ты будешь гадать, чем замазать синяки, даже тональник не поможет. Он будет просить прощения, может, даже всплакнет. Ты займешься с ним любовью, пытаясь все забыть, и будешь молиться: «Только бы не забеременеть». Наконец ты не сумеешь взглянуть на себя в зеркало, стыдно будет смотреть на отекавшее от побоев лицо. Но он избавит тебя от этого зрелища, схватит за волосы и долбанет как следует прямо об стекло, так что смотреть будет уже не на что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.